

Мне снова 15...

Автор:

Геннадий Марченко

Мне снова 15...

Геннадий Борисович Марченко

Музыкант #1 Наши там (Центрполиграф)

Алексей Лозовой, 63 лет от роду, музыкант на излёте карьеры, оказывается в теле 15-летнего парня в 1961 году. Причём парня с не самой лучшей биографией. Но героя это не пугает, и он принимается лепить из обычной шпаны звезду не только музыки, но и футбола...

Геннадий Марченко

Мне снова 15...

Пролог

До чего же я люблю корпоративы!.. И как же я их одновременно ненавижу! Да предложи мне кто-нибудь лет двадцать назад спеть перед жующей и пьющей публикой, я послал бы этого «доброжелателя» так далеко, что альфа Центавра показалась бы ему ближним светом. А сейчас я рад каждому такому приглашению. Потому что у меня практически не осталось других средств к существованию.

Да, двадцать лет назад я был эстрадной звездой пусть не первого, но второго эшелона точно. А если точнее, то лидером, вокалистом и гитаристом группы

«Саквояж», без участия которой редко обходился сборный концерт в Москве ко Дню милиции, Дню МЧС и прочих ведомственных организаций. Да и с гастролей мы неплохо «грелись». Даже пару раз по приглашению Пугачёвой выступали в «Рождественских встречах». Кстати, последний раз встречал Алку с месяц назад, она тоже работала на свадьбе у сына одного дагестанского бизнесмена, за гонорар, превышающий мой раз в десять. Я ей не завидовал, знал своё место, привык уже за последние годы. Примадонна меня узнала не сразу. А узнав, охнула:

– Лёша, это ты?! Обалдеть! Как же тебя годы изменили!.. Где ты сейчас, чем занимаешься?

Да всё тем же и занимаюсь, мать твою, не видно, что ли, раз я тоже выступаю на этом же грёбаном корпоративе!.. Занимаюсь тем, чем занимался практически всю жизнь, – играю и пою. Только вышел уже в тираж, вот и вся разница.

Группа моя к тому времени приказала долго жить. Славик Иващенко, мой многолетний барабанщик, теперь стучит на аккомпанементе у Добрынина, виртуоз гитарист Жора Пушкин играет у Лещенко, а Лёва Сидорчук и вовсе повесил свою басуху на гвоздь, решив посвятить себя внукам-близняшкам, тем самым облегчив жизнь молодым родителям. Так что остался я один, хотя, в принципе, уже три года назад мог выйти на заслуженную пенсию по случаю 60-летия. Но всё молодился, хорохорился, несмотря на обилие морщин и сильно поредевшую и поседевшую шевелюру. Только усы а-ля Мулявин оставались такими же густыми, как и двадцать лет назад, но и их тронула седина.

Репертуар тоже мало изменился. Последний мой хит датировался 1992-м, когда «Женщина моей мечты» неслась из каждого утюга. После этого как отрезало. Нет, мы, само собой, что-то сочиняли, в надежде, что уж эта песня точно выстрелит. И на наш взгляд, и на взгляд наших близких, вещи получались неплохие. Вот только на радио и ТВ посылали нас объездной дорогой. Мягко так, с улыбочкой, с обещанием в ближайшее время посмотреть-послушать наше творение. Однако это «ближайшее время» что-то всё не наступало. Могли хотя бы написать, мол, ваша песня (ваш сраный бюджетный клип) нас не устраивает. Мы поняли бы и приняли, хотя это всё равно было бы плевком в душу. Потом Жора предложил кидать наши клипы в новомодный тогда YouTube, радовался каждому новому просмотру. Но видеохостинг особой популярности нашим песням не добавил, мы же не какие-нибудь матерящиеся рэперы, не продвинутые юнцы, тусующиеся в этих самых ютубах, так что народ из группы

стал расплзаться. Закончила она своё существование буквально в течение месяца. Следующий месяц я конкретно бухал в своей московской однушке, покидая её периодически только затем, чтобы добраться до ближайшего магазина, торгующего спиртным.

А ведь когда-то у меня была неплохая трёшка в приличном районе, пока бывшая при разводе не потребовала размен... Будь проклят тот день, когда я позарился на эту смазливую выпускницу Гнесинки! Ей-то, понятно, было по кайфу выскочить за известного музыканта. Тогда, в начале 1990-х, фото улыбающегося брачующегося дебила с симпатичной стервой в подвенечном платье украсило где страницы, а где и обложки глянцевого журналов. О нашей свадьбе судачили пару недель, потом стали судачить о свадьбе Фили и Аллы. Восемь лет эта тварь висела у меня на шее, имела всё, что хотела, по первому желанию. В итоге и меня поимела, отсудив не только жилплощадь, но и «ренджровер», а мне оставив подержанную «ауди». Не говоря уже о фирменных шмотках и брюликах, на которые, если честно, мне было плевать. Вот что значит иметь прикормленного адвоката! Хотя, подозреваю, эту сладкую парочку связывали не только рабочие отношения, но это пусть останется на их совести.

Из запоя мне помог выйти мой старинный друг и одноклассник Федька Скворцов. Мы с ним когда-то начинали играть в школьном ансамбле в родном Рыбинске, перепевая Битлов, потом, после музыкальной школы, я отправился в музыкальное училище, а Федька, на пять лет раньше меня закончив десятилетку, уехал в Москву, поступил в Бауманку, работал в конструкторском бюро, а в перестройку организовал кооператив по пошиву джинсы. Несколько раз менял вид деятельности, в итоге остановился на фармацевтике. Сеть аптек приносила ему приличный доход.

Так вот, застав мою слабосоображавшую особу дома в драных трениках, Федька буквально схватил меня в охапку – а мужик он был здоровый – и чуть ли не силком на 21 день отправил в санаторий, где у него имелся знакомый главврач. Три недели лечебно-восстанавливающих процедур привели меня в порядок, и через какое-то время я смог вернуться на сцену.

В этот раз меня пригласили спеть на юбилее вице-президента одной из крупных торговых сетей. Тех самых, что покупают по рублю, а продают по три, с разницы и жируют. Хотя на этом и зиждется торговля, а со своим уставом, как говорится, в чужой монастырь не лезут.

Разрешили исполнить две песни. Я выбрал, само собой, «Женщину моей мечты» и более раннюю «Птицу», с которой мы выступали на «Песне-85». Мой выход был назначен между выступлениями Пелагеи и Валерки Леонтьева.

Завершать шоу, кстати, должно было появление на сцене уже далеко не юной певицы Анастейши, хотя она и была на пятнадцать лет моложе меня.

К моменту моего появления в банкетном зале отеля «Барвиха Luxury Village» веселье уже шло вовсю. На сцене выделялся какой-то фокусник, то ли Акоюн, то ли Копперфилд, хрен их разберёшь в потёмках. Мне выделили общую гримёрку с небольшим казачьим коллективом и оплывшим к старости Мишей Муромовым, готовившимся к выступлению с бокалом в руке, на дне которого плескалась коричневая жидкость.

– Привет! «Яблоки на снегу» поёшь? – спросил я его, когда мы обменялись рукопожатиями.

– Не угадал, юбиляр попросил «Странную женщину» для своей жены. Мне-то, сам знаешь, по барабану, что петь, лишь бы бабки платили. Два косаря зелени – нормально вроде, как считаешь?

– Думаю, да.

– А у тебя какой тариф?

– Чуть побольше. Пятёрку за две песни платят.

– Повезло... Ладно, я пошёл, мой выход.

Муромов влил в себя остатки жидкости, поставил пустой бокал на стол и решительно отправился на сцену. Минут через сорок в гримёрку заглянул конферансье Ваня Ургант, предупредив, что сейчас моя очередь ублажать слух жующей публики. Диск с минусовкой я заранее отдал звукорежиссёру, сам же вышел на сцену с электроакустической гитарой, которая, как и голос, должна была звучать вживую. Фанерить я себе никогда не позволял, считал это ниже своего достоинства, разве что «минус» на музыку поставить, как в этот раз.

– Привет! – обнялся я по пути на сцену с только что покинувшей её Пелагеей. – Как народ, адекватен?

– А-а-а-а, – махнула она рукой и поморщилась.

Ясно, всё как обычно. Ну ладно, с Богом!

Сцена была небольшой, полукруглой. Подключая шнур, искоса глянул в зал. По моему, всем на меня насрать, люди заняты своими делами. Едят, пьют, общаются... А я так, фоном. Ну и фиг с ними, я сделаю своё дело, получу бабки и свалю.

Слегка провёл перебором по струнам, вроде звучит нормально. Подошёл к микрофонной стойке, традиционно поприветствовал присутствующих:

– Добрый вечер, уважаемые дамы и господа, леди и джентльмены! Поздравляю сегодняшнего юбиляра Юрия Борисовича с круглой датой и желаю ему крепкого здоровья, успехов в бизнесе и семейной жизни. Пусть этот юбилей будет праздником не только воспоминаний и опыта, но и новых замыслов, мечтаний, надежд! Ведь пока человек живёт и надеется, он всегда молод! Поэтому желаю главного – молодости души! И в честь сегодняшнего юбиляра звучит песня «Птица».

Я ударил по струнам, «звучач» запустил минусовку, пошло вступление. Теперь можно и связки напрячь:

В небе бездонном тишь да покой,

Хочется синюю напитокся.

А я тебя помню красивой такой

Ласковой, нежною птицей...

На припеве я оставляю пальцы левой руки на грифе гитары, а правой обхватываю микрофон, и в этот момент что-то пронзает меня насквозь, заставляя тело выгнуться дугой. Теряя сознание, я падаю и успеваю увидеть округлившиеся глаза стоявшего за кулисой Вани Урганта. А затем наступила тьма.

Глава 1

– Как он, Сергей Иванович, шансы есть?

– Сложно сказать, всё-таки хорошо его током долбануло. Как же они так готовили аппаратуру, дебилы?..

– Так ведь говорят, что до него и другие микрофон брали, и никого не шандарахнуло. А вот на Лозовом сработало.

– Ладно, будем погружать пенсионера эстрады в медикаментозную кому. Отёк мозга нам тут совсем ни к чему. Оля, введи пациенту три кубика натрия оксибутирата... Ты что там всё тычешь, в вену, что ли, попасть не можешь? Детский сад какой-то с этими интернами, всё приходится делать самому... Дай сюда шприц. Вот так, теперь пусть спит, а мы займемся делами нашими насущными.

«Это они обо мне ведь говорят, – медленно проплыла догадка в угасающем сознании. – Меня что, в искусственную кому погружают? А после выведения башка будет варить или стану овощем? Бл... только этого не хватало! Господи, если ты есть, сделай так, чтобы я лучше умер, чем до конца дней пускал слюни с глупым выражением лица. Господи, сделай...»

– Штырь! Штырь, ты чё? Блин, пацаны, чё это с ним?

– Чё-чё... Не видишь, током долбануло. Спорим, спорим... Вот и доспорился, чудак. Неотложку надо бы вызвать, вроде ещё дышит, глядишь, и откачают. Сява, ты самый шустрый, сгоняй до угла, набери с таксофона неотложку.

– Понял, Бугор, уже лечу.

Я медленно открыл глаза и увидел на фоне вечернего заката три склонившихся надо мной мальчишеских силуэта. За главного, наверное, этот, с лихо сдвинутой набекрень кепкой. Бугор, кажется. Кстати, странно они как все одеты, как в

годы моего детства. Или даже раньше лет на десять, мода эдак 50-х годов XX века. Укороченные широкие штаны, бесформенные ботинки, на одном майка со шнуровкой и с поперечной спартаковской полоской, на другом – рубашка с закатанными рукавами, на третьем – куртка, как у героя Льва Перфилова, игравшего Шесть-на-Девять в фильме «Место встречи изменить нельзя». Во блин, и тюбетейка точно такая же!

– Опа, братва, а Штырь вроде в себя пришёл. Эй, Сява, вертайся взад. Штырь, ты как, говорить-то можешь?

Я ощутил весьма чувствительный шлепок по левой щеке, отчего моё сознание окончательно прояснилось.

– Встать помогите, – сиплю я, делая неуверенную попытку приподняться.

Мне помогли принять вертикальное положение, но ещё несколько секунд я чувствовал вращение планеты вокруг своей оси. Впрочем, успел окинуть взглядом свой прикид, оказавшийся таким же незамысловатым, как и у остальных парней. А росту теперь я был, судя по всему, такого же, как и они, разве что Бугор казался повыше других двоих на голову. А вот подлетевший Сява, напротив, оказался самым мелким, росточком был мне до подбородка.

– Ну ты как, живой? – снова поинтересовался Бугор моим самочувствием.

– Терпимо... Чё-то я не понял, что это на мне? Почему ты меня называешь Штырём? Где я вообще?!

– О, пацаны, Штыря-то, похоже, крепко шибануло. Ты хоть помнишь, как тебя зовут? В смысле, имя-фамилия?

– И как?

– Егор Мальцев, – вставил парнишка, прикинутый как Шесть-на-Девять.

Ничего себе, какой ещё на хрен Егор Мальцев?! Я же Алексей Лозовой, 63 года от роду, музыкант на излёте карьеры, «сбитый лётчик», одним словом. Которого шибануло током от микрофона и которого же погрузили в искусственную кому. А

тут я вижу себя в теле какого-то подростка, одетого по моде пятидесятилетней давности как минимум. И зовут меня, оказывается, Егор Мальцев, а кличка Штырь.

- Я - Муха, то есть Витька Мухин, - между тем продолжил Шесть-на-Девять. - Это вот - Дюша, в миру Андрюха Моисеев, Сява - Жека Путин, а Бугор - Юрка Крутиков.

- Путин?

Я не удержался и хмыкнул. Парни снова переглянулись, синхронно пожимая плечами. Однако нужно уточнить ещё один момент.

- Ребята, а который сейчас год?

Теперь уже Сява хмыкнул, выразительно покрутив указательным пальцем у виска, за что тут же получил от Бугра подзатыльник.

- Ты это, Штырь, не ссы, всё будет нормалёк. Короче, щас шестьдесят первый год, Юра Гагарин почти два месяца назад в космос слетал. Уж это-то ты должен помнить.

- Гагарина помню, - пролепетал я, охреневая всё больше и больше.

Так, так, так... Это что же получается?! Выходит, тело моё там, в 2016-м, в какой-нибудь реанимации, а сознание - вот в этом пацанёнке, приблизительно четырнадцати лет от роду, в 1961 году? Интересно, а где тогда сознание обладателя этого молодого организма? Мы что, поменялись телами? А ежели его душа отлетела в лучший мир, то мне теперь так и придётся таскать на себе эту оболочку? Хм, хотя, с другой стороны, оболочка вполне неплохая. Лучше той, что я оставил в будущем, моложе лет на пятьдесят.

- Ну чё, память не вернулась? - участливо поинтересовался Бугор.

- Да так, частично... Вы ещё скажите, сколько мне лет, где я живу, кто мои родители и где я учусь?

В следующие несколько минут на меня вылили целый ушат информации. Выяснилось, что сегодня воскресенье, 4 июня, и три недели назад Егору, то есть уже мне, стукнуло пятнадцать лет. Значит, родился я 10 мая, аккурат после Дня Победы через год после нашей виктории в Великой Отечественной войне. У меня имелась старшая сестра, Катя Мальцева, которая только что перевелась на третий курс Московского государственного педагогического института имени Ленина. Я же сам в этом году окончил восьмилетку и собирался поступать в железнодорожное училище на помощника машиниста паровоза.

Отца у меня, как мне объяснили, не было. То есть изначально он когда-то был и звали его Дмитрий Анатольевич, прям как нашего премьера, но Мальцев-старший сгинул в 1951-м на Колыме. По словам парней, батя двинул парторгу завода в рыло, когда эта тыловая крыса моего отца-фронтовика лишила премии, переписав новаторское изобретение на своего племянника. Парторг тут же накатал жалобу на применение грубой физической силы по отношению к честному работнику тыла, и родителя замели по 58-й статье УК РСФСР. Слава богу, что конфисковывать было нечего, семья и так обитала в коммунальной квартире, не имея практически никаких накоплений.

В 1955-м батю посмертно реабилитировали, мама пыталась было получить какую-то компенсацию по потере кормильца, но чиновники умудрились как-то так хитро извратить закон, что нам ничего не обломилось.

В общем, несмотря на реабилитацию бати, на маму и нас с сестрой по-прежнему косились некоторые особи.

Так что мать воспитывала меня и сестру практически в одиночку, если не считать бабушку и деда – родители отца жили в паре кварталов от нашего дома. Её же предки обитали в Казахстане и видели меня только раз, выбравшись в Москву в конце 1940-х, когда я ещё пешком под стол ходил. Маму звали Алевтиной Васильевной, работала она медсестрой в Боткинской больнице. Дежурила по две смены, как добавил Дюша, чтобы прокормить меня и дочь, получавшую в вузе весьма скромную стипендию.

А если я поступлю в училище, то ещё одним стипендиатом в нашей семье станет больше. Главное – не косячить в учёбе и поведении, что с моими наклонностями, как я понял, вполне могло иметь место, поскольку законный обладатель сего организма уже состоял на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних. Впрочем, как и все мои нынешние сородники, за исключением Дюши.

Тот посещал музыкальную школу по классу фортепиано и являлся сыном вполне приличных и обеспеченных родителей: папа – профессор-филолог, мама – директор десятилетней общеобразовательной школы. И пару залётов отпрыска по хулиганке им удавалось как-то разрулить, задействуя известные им рычаги.

В общем, как я понял, компания подобралась та ещё. Верховодил в ней шестнадцатилетний первокурсник технического училища, будущий слесарь с погонялом Бугор, которому за следующий косяк светила «малолетка», как ему доходчиво объяснили в комиссии ПДН. У Бугра батя чалился по уголовной статье, мать пьянствовала, а два младших брата росли практически сами по себе, как сорняки в поле, хотя Бугор, как выяснилось позднее, всё же старался принимать какое-то участие в их воспитании, раз уж на мать надежды не было никакой.

Но воспитание это было своеобразным. Для Крутикова мечтой было попасть на зону, его прельщала блатная романтика, в таком же духе он воспитывал и братьев, которые нередко увивались за более взрослыми пацанами. Так что вырастут, похоже, такими же оболтусами, что и старший брат.

Оставались ещё Витька Мухин, он же Муха, и Жека (Сява) Путин. Муха был моим одноклассником и соседом по дому, тоже собирался поступать в «железку» и считался своего рода заместителем Бугра, негласным парторгом, если придерживаться коммунистической идеологии. Только тут идеология была несколько другая, приклатнённая. Ну а Сява был младше меня на год, но всячески хотел казаться старше как по возрасту, так и по поведению. Похвалился, что наравне с нами вовсю курил папиросы и пил крымский портвейн.

М-да, похоже, ребята круче бормотухи ничего в своей короткой жизни не употребляли. Да и дымят, небось, самосадам... Я-то уже в 1970-е, в «досаквояжную» эпоху курил «Мальборо», потом отдавал предпочтение «Кэмелу», «Парламенту», только в последние годы по рекомендации врачей перешёл на электронные сигареты. Это как секс с презервативом, даже хуже, но пожить хотелось, потому и терпел. Курить начал, глядя на старших пацанов во дворе, примерно в этом же возрасте, в каком пребывал в данный момент. Может, в этой жизни не стоит злоупотреблять вредными привычками, а лучше побережь доставшееся мне в аренду тело? Если что, сдавать обратно буду в нормальном состоянии, хотя когда сдавать придётся и придётся ли вообще – тот ещё вопрос.

После того как парни вывалили на меня массу нужной и ненужной информации, Муха заявил:

– Пацаны, у меня тут в кустах за сараями заныкано пол-литра «Кофейного ликёра». Может, сообразим на пятерых?

«Господи, это что ещё за хрень?! – думал я, с трудом влив в себя полстакана дурно пахнувшей сладковатой жидкости. – Вот как тут избавишься от вредных привычек, когда если не станешь пить со всеми, начнут коситься. Хоть бы закусить чего взяли. Плавленые сырки в эти годы уже вроде бы должны продавать, наверняка любимая закуска советских алкашей стоит копейки».

К этому времени я окончательно оклемался от удара током. Поинтересовался, как это вообще произошло, и выяснилось, что я на спор схватил свисавший с дерева после вчерашней грозы оголённый провод. Так что теперь Бугор должен мне рупь. Новый рупь, который вошёл в обращение после проведённой 1 января этого года денежной реформы.

– Бугор слово держит, – протягивая мне слегка помятую купюру желтоватого оттенка, с ленцой процедил проигравший.

Вот же, мама дорогая, какой идиот этот Егор Мальцев! А если бы он на спор с третьего этажа сиганул? Да ещё и на асфальт? Я, конечно, в молодости тоже немало глупостей совершал, но границы чувствовал, а этот, похоже, какой-то безбашенный.

– У меня есть мятные конфеты, зажуйте, чтобы предки не унюхали, – выудил из кармана штанины пригоршню леденцов Муха и первым отправил в рот желтоватую горошину.

Я тоже взял одну, более-менее чистую, и принялся безуспешно перебивать неистребимый запах сивушного ликёра.

Тем временем вечер окончательно вступил в свои права, и было озвучено предложение разойтись по домам. Мы с Мухой двинулись вместе, раз жили в одном доме. Только в разных подъездах, к тому же он на первом этаже, а я на втором.

Дом не впечатлял. Вернее, впечатлял своей облупленной штукатуркой, покосившейся подъездной дверью, выбитыми кое-где стёклами, заменёнными кусками фанеры, а в одном случае просто подушкой, и сонмом самых разнообразных запахов, выплескивающихся во двор из раскрытых окон.

Здесь, во дворе, жизнь шла своим чередом. С криками носилась мелюзга, старики резались в домино за самодельным кривым столом, бабульки на лавке под раскидистым клёном чесали языками, сплёвывая на землю шелуху от семечек. Короче, небогатый московский дворик, каких в 1960-е годы в столице навалом. В моём детстве было примерно то же самое, всё-таки первые семь лет своей жизни я прожил в рыбинской коммуналке, и увиденное сразу вернуло меня мыслями в моё, казалось бы, уже давно забытое прошлое. Спазм сжал горло, глаза увлажнились, но я силой воли прогнал не вовремя нагрянувшую ностальгию.

– Здравствуйте, Алевтина Васильевна! – крикнул Муха в сторону женщины лет сорока, развешивавшей на протянутых между двух деревянных столбов верёвках выстиранное бельё.

– А, Витя, здравствуй. Ну как, нагулялись?

– Ага, в футбол играли весь день, – не моргнув глазом соврал Муха. – Мы завтра с Егором документы идём подавать в железнодорожное училище.

– Как же, помню, у нас уже всё приготовлено. Небось, проголодались, футболисты?

– Моя мамка обещала котлет пожарить к макаронам на ужин, я уже прямо чувствую запах, так что побежал. До завтра!

Муха улетел в свой подъезд, а мама потрепала меня за вихор, нежно улыбаясь:

– Иди домой, умойся и садись ужинать. Катя уже поела, там тебя на сковороде дожидается жареная картошка. А я пока белье доразвешиваю.

Да уж, ещё бы я знал, в какой квартире мы живём. Не додумался у Мухи спросить, остолоп. Ладно, сделаем вид, что нам хочется поторчать с мамой.

– Я с тобой побуду, мам, потом вместе пойдём.

– Ну постой, мне вообще-то немного осталось. Хорошо бы до утра высохло, чтобы до смены успеть снять.

– А ночью не своруют?

– Тут вроде чужие-то не ходят, хотя и было пару раз, ты же помнишь, какой Сапуниха крик подняла, когда её панталоны ночью кто-то стащил.

Сапуниха – это, надо полагать, кто-то из соседей по дому. Ничего, со временем разберёмся.

Через пару минут мы поднялись по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж, где в стену были вделаны дисковые электросчётчики. Под каждым на стене была написана краской фамилия обладателя счётчика. Увешанная почтовыми ящиками дверь в нашу коммунальную квартиру номер 8 была справа, возле звонка была приклеена бумажка с фамилиями жильцов, а также числом звонков. Я на секунду притормозил. Ага, Мальцевы, звонить три раза.

– Егорка, ты чего там?

– А? Иду.

Коммуналка встретила ещё одним облаком запахов: жарено-варёной пищи, кипячёного белья, табака, лекарств и ещё чего-то непонятного. Стены коридора были увешаны и уставлены корытами, тазами, велосипедами, лыжами, санками... На полу теснилась разномастная обувь, среди которой выделялись две пары галош с красной подкладкой.

На общей кухне кипела своя жизнь. Толстая бабенция, пыхтя папиросиной, палкой мешала кипятящееся в тазу на плите бельё. Сгорбленная старушка в спущенном чулке коричневого цвета на правой ноге пыталась пристроить маленькую кастрюльку на конфорку рядом с тазом толстухи. Колоритный дедок с круглыми очками на носу, из ноздрей которого торчали пучки волос, пристроился на табурете у одного из окон и вчитывался в содержание газеты «Советский спорт», при этом шевеля губами и покачивая плешивой головой...

Н-да, с ними со всеми ведь теперь мне придётся жить. Ну а что, выбор-то небольшой, вернее, его совсем нет. Если только идти в НКВД и заявлять, что я гость из будущего, и сразу просить выделить мне отдельную палату в психушке, а заодно и симпатичную медсестричку. Хоть не скучно будет.

– Ты чего опять встал-то? – вывел меня из ступора мамин голос. – Егорка, ты у меня прямо странный какой-то сегодня.

В общем коридоре висело зеркало, в которое я походя не преминул поглядеться. Так вот ты какой, северный олень! Ничего так, не урод, хоть и не красавец. Вполне заурядная внешность. Из характерных отметин небольшой шрам над левой бровью, который при желании можно завуалировать чёлкой. Нет, не в виде молнии, как у Гарри Поттера, но что-то есть... Может, переписать им тут всю Джоан Роулинг? Эх, думаю, не прокатит. Во-первых, я хоть и обладал хорошей памятью, но не настолько, чтобы запомнить все её романы о юном волшебнике наизусть. А во-вторых, кто, интересно, позволил бы издать вещь такого плана на фоне вала патриотической литературы? Нет, у советских читателей эта серия пошла бы на ура, вопросов нет, но пока все издательства контролируются партией – книжкам о буржуинских магах и маглах ход в народ противопоказан.

Наша обитель состояла из двух комнат. В большой, как я понял, жили мама и сестра, а мне, как единственному представителю мужского пола в семье, был выделен маленький, но зато отдельный закуток. А отец где же раньше квартировался? Неужто они втроём в одной комнате жили? Или я был тогда маленький и спал у мамки под боком? Ну теперь-то уже какая разница...

Катька оказалась вполне приятной на вид девицей с красиво очерченным станом и крупной грудью. Наверняка у барышни от женихов отбоя нет. Она сидела, упёршись взглядом в книгу «Мышление и речь» Льва Выготского.

– Иди мой руки и садись ужинать, – выдала в мой адрес очередное распоряжение мама.

Я огляделся. Умывальника в комнате не наблюдалось, значит, он на кухне или в туалете, куда наверняка по утрам выстраивается очередь. В общем, пойду искать.

– Полотенце возьми, – кивнула мама в сторону вешалки рядом со шкафом для одежды, где в ряд висели три полотенца.

И какое из них моё? Это – слишком гламурное, это – так, среднее, а вот малость ободранное, с тёмно-синей продольной полосой, вероятно, Егора. Ну, ошибусь и ошибусь, ничего страшного. Впрочем, в спину мне промолчали, значит, скорее всего, не ошибся.

На кухне соседка с тюрбаном из полотенца на голове – примерно ровесница моей мамы – набирала из-под крана воду в большую кастрюлю. Увидев меня с полотенцем в руках, кивнула в сторону коридора:

– Егорка, иди в ванной умойся, там сейчас вроде никого нет.

И правда никого. Ванна была старая, чугунная, покрытая эмалью, которая местами уже облупилась. Вот только кран с горячей водой не работал, текла только холодная, и то кое-как. Рядом находился унитаз с бачком под потолком и ручкой на размахившейся верёвке, а вместо туалетной бумаги за сливную трубу была заткнута уже порядком ободранная газета «Гудок».

Приведя себя в порядок, я вернулся в комнату и уселся ужинать. Да, не на оливковом масле, но какая же она всё равно вкусная, жареная картошка! Да со шкварками, с зелёным лучком, который макаешь в крупную соль, с краюхой рассыпчатого хлеба и со стаканом молока впридачу. Молоко я по жизни обожал, особенно как раз под картошечку, но предпочитал охлаждённое. Здесь же охлажденному взяться было неоткуда, поскольку холодильника в помещении не наблюдалось. Кусок масла хранился в кастрюле с холодной водой, в другой кастрюле – кусок мяса. Так, помнится, и в моём детстве продлевали жизнь продуктов. А зимой, само собой, авоську за окно, только обернуть получше, чтобы птицы не склевали. В общем, впрок в это время едой запастись было не принято. Что покупали – тут же обычно и съедали. А молоко не иначе по утрам автоцистерна привозит, и через день оно наверняка скисает. Хотя это ещё вроде ничего, не задумалось.

«Надо бы купить холодильник, и телевизор не помешал бы, а то вон одно радио на стене висит, – механически подумал я и тут же себя одёрнул: – Ишь ты, размышлялся. На зарплату медсестры и пусть даже две стипендии особо не пошикуешь».

Порция на сковороде выглядела не такой уж и большой, но на мой мальчишеский желудок её оказалось более чем достаточно. Захотелось сытно рыгнуть, но я сдержал себя в последний момент.

Катя по-прежнему читала, мама гладила, по-видимому, на завтра мой парадный костюм. Утюг, которым она пользовалась, был электрический, но с деревянной ручкой, с приделанной сзади резиновой грушей, при нажатии на которую под носик утюга брызгала вода. Всё же лучше, чем допотопный чугунный утюг, виденный мной на кухне у соседки, которая грела его на плите. Да-а, архаизм, однако. Это же когда я начну деньги зарабатывать в качестве помощника машиниста? Три года вроде в «рогачках» учились? А там ещё, не исключено, в армию отправят. Опять же, в это время служили три года... Ужас, как бездарно транжириятся лучшие годы жизни!

Взгляд сам собой сфокусировался на шестиструнной гитаре, висевшей на простеньком стенном ковре. С виду приличная, хотя, конечно, не полуакустическая Gibson ES-333, на которой я играл последние годы в том теле. Эх, сюда бы аппаратуру с моей домашней мини-студии...

Я аккуратно взял инструмент, негромко провёл пальцами по струнам. Звук ничего так, главное, что строит и не дребезжит. Вторую и третью подтянуть, почему-то всегда именно эти две струны на моей памяти просаживались, неужто и здесь работает этот закон?! Хорошо хоть, не рассохлась. Ну вот, вроде нормально звучит... Что бы такое наиграть?

Была у нас в репертуаре «Саквояжа» лирическая вещь с красивым гитарным перебором, как раз под акустику, называлась «Падают листья». Написана ещё до буйновского одноимённого ширпортреба, вышла на виниловом диске, кажется, в 1989-м. Под аккомпанемент, задумавшись, механически начал негромко напевать.

– Вот уж не знала, что ты на гитаре играть научился, – сказала мама, оторвавшись от глажки. – А ведь и отец твой вот так же, бывало, сядет и поёт что-то вполголоса.

Взгляд мамы затуманился, переместившись на висевшую на стене чёрно-белую фотографию в рамке, где были изображены молодая женщина и мужчина в военной форме с сержантскими погонами, а на коленях у них сидела маленькая

девочка. Наверное, как раз из армии вернулся. То есть с фронта. Фронтовик же он ведь был, отец Егора. Мама прерывисто вздохнула и, стараясь скрыть секундную слабость, отправила меня спать.

– Завтра с утра в училище идти, нужно выспаться, а то придёшь туда с кругами под глазами. А мне ещё твою одежду нужно догладить.

«Вот ведь занесло так занесло, – думал я, лёжа под тонким одеялом и глядя в окно, за которым в свете дворового фонаря на лёгком ветру покачивались ветви старого клёна. – Хрен его знает, как долго я тут пробуду. Вдруг меня завтра выведут из комы, и я очнусь в своём старом теле? А этот, Егорка Мальцев, уже, получается, не проснётся? И мать утром найдёт в постели остывшее тело?.. Бред какой-то! Так, ладно, давай, Лёха-Егор, спать, а то завтра и впрямь рано вставать».

Глава 2

Насчёт очереди в туалет я оказался прав. Пришлось отстоять минут пятнадцать, прежде чем я оказался допущен к унитазу, а заодно и к крану в ванной. Моя зубная щётка была порядком изжёвана, вместо пасты пришлось пользоваться мятым зубным порошком. Обмылок хозяйственного мыла оказался общественным, и я без зазрения совести им попользовался. Жаль только, горячей воды нет. Но ситуация небезвыходная, на помощь людям в этом случае приходила газовая плита. Например, брившийся на кухне перед установленным над умывальником небольшим зеркальцем сосед подливал себе в пиалу с мыльным раствором воду из чайника. Скоро и мне, чего доброго, бриться придётся начинать, вон уже на подбородке какой-то пушок пробивается.

Вероятно, в сезон отключения горячей воды для помывки народ ходит в общественные бани. А там я представляю, что творится... Хотя, насколько я помню, Сандуны всегда славились великолепием, роскошью и качеством обслуживания. Сам там несколько раз бывал в хорошей компании. Как-то Макаревич с Маргулисом почтили нас своим вниманием и, кстати, компанейскими ребятами оказались, пили всё, что им подливали.

Настал черёд завтрака и облачения в отутюженную форму. Блин, похоже, это школьная. Хорошо хоть, не военного образца, не с ремнём и фуражкой, как было принято, наверное, ещё совсем недавно.

– Вымахал-то как, – сложила ладошки мама, – вон, брюки уже коротковаты стали.

– Ничего, в училище им новую форму выдадут, с молоточками, – подмигнула мне сестрёнка.

Катя всё ещё шастала по комнате в ночнушке, с распущенными волосами, и на фоне падающего из окна солнечного потока её фигура заманчиво просвечивала сквозь тонкую ткань. Я почувствовал, как у меня внизу совсем не по-братски произвольно начал твердеть жизненно важный орган, и усилием воли заставил себя отвернуться и прислушаться к тому, что говорила мама. А она мне всовывала в портфель, как объяснила, аттестат об окончании школы, свидетельство о рождении и ещё какие-то нужные бумажки.

– Ну всё, у меня дежурство через сорок минут, побежала на метро, хорошо хоть, до Боткинской всего две станции ехать.

Мама чмокнула меня в щёку и испарилась, оставив за собой ароматный шлейф духов «Настоящая персидская сирень». Уж на чём, на чём, а на парфюме уважающая себя советская женщина не сэкономила. Тем более что мама далеко ещё не старуха. Катя вон и то свои духи имела, правда, что за этикетка на маленьком пузырьке, который она убрала обратно в тумбочку, я не разглядел. И зачем она вообще душилась, когда ещё даже не одета? Ладно, не моё это дело, мне вон Муха уже снизу свистит, стоит под окном в такой же форме и с портфелем, только не чёрным, как у меня, а коричневым.

– Иду! – крикнул я и припустил было из комнаты.

– Деньги на троллейбус взял? – донеслось в спину.

– На троллейбус? А сколько надо?

– Вот, пятьдесят копеек возьми на всякий случай. А так проезд четыре копейки стоит, забывчивый ты наш.

А у меня под матрасом ещё и выигранный вчера у Бугра рубль был припрятан. Целое богатство по нынешним временам, на пяток эскимо вполне хватит. А возьму-ка я его с собой, пока Катька перед зеркалом крутится, глядишь, пригодится.

До железнодорожного училища номер 62, расположенного по адресу Напольный проезд, 7 мы с Мухой добирались на троллейбусе почти час. Всё это время, не обращая внимания на болтовню друга, я пялился в окно, рассматривая Москву 1961 года. Лепота, как говаривал киношный Иван Грозный. Ну а что, чисто, просторно, никаких тебе пробок, люди как-то веселее, что ли, смотрят. Проехали газетный ларёк, к которому выстроилась небольшая очередь. Люди покупали и тут же раскрывали свежие номера «Правды», «Труда» или «Известий».

Прикид не отличался разнообразием. Попадались товарищи в костюмах или просто в тёмного цвета шароварах с одним карманом с клапаном сзади, с резинками снизу штанин. Помню, у самого такие когда-то были по малолетке, во дворе в таких мячик пинал. Периодически встречались прохожие в тубетейках, но этот головной убор больше предпочитали подростки. А мелочь пузатая бегала в шортах с перекрещенными на спине лямками и в панамках.

А вон автомат с газировкой. Обычный гранёный стакан споласкивается под маленьким фонтанчиком. Сколько сейчас стоит газвода с сиропом? Из окна не разглядеть. Если память не подводит, с сиропом 3 копейки, а без сиропа копейку. Рядом над входом в бакалейный магазин рабочие растягивают транспарант с лозунгом: «Встретим XXII съезд КПСС новыми трудовыми свершениями!» Не на этом ли съезде приняли решение вынести Сталина из Мавзолея?

Несколько раз попадались портреты Хрущёва. В силе ещё Никитка-кукурузник, не знает, что недолго ему осталось. Хотя как недолго – ещё три года улыбаться будет и морочить голову людям идиотскими прожеками. А затем его сменит «дорогой» Леонид Ильич со своими более поздними старческими «сиськи-масиськи». Бог с ними, я ещё по существу ребёнок, меня эти дела волновать не должны.

Рядом с училищем мы окунулись в толпу таких же будущих железнодорожников. Перед тем как переступить порог приёмной комиссии, я заглянул в аттестат, почему-то раньше до этого не додумался, видно, всё ещё пребывая в шоке от своего нынешнего положения. В принципе, как я и ожидал: большинство троек,

но при этом попались и три четвёрки – по литературе, русскому и, как ни странно, географии.

Сдали документы в приёмную комиссию и стали решать: ехать домой или пошляться по Москве.

– Чё, может, на футбол рванём? – предложил Муха. – Седня «Локомотив» и «Торпедо» играют. Мы же теперь с тобой железнодорожники, значит, будем болеть за своих.

Нормально, так-то я всю жизнь за «Динамо» болел, даже входил в общественный совет клуба. Ещё батя, помню, меня мелкого на стадион в Петровском парке таскал. Даже пару лет позанимался в динамовской футбольной школе. Слыл за весьма перспективного, и если бы не мениск, полетевший так не вовремя... Уже в 1990-е стал поигрывать за команду «Старко», причём колено меня совсем не беспокоило, и я даже думал, что зря завязал с футболом так рано. Хотя музыкантом тоже быть неплохо.

Кстати, считал за счастье, что мне довелось видеть, как играет Лев Яшин. И годы спустя судьба как-то сводила с великим голкипером, правда, тогда он уже передвигался на протезах. А теперь, выходит, придётся прикидываться фанатом «Локомотива»? С другой стороны, это, пожалуй, ещё не самое страшное, что могло бы со мной случиться в этом времени. А вообще можно и сейчас заявить, что я болельщик бело-голубых, которые, кстати, свой последний чемпионат страны выигрывают весной 1976 года, и после этого начнётся своеобразное безвременье.

– А почём билеты? – спросил я напарника.

– Какие билеты, Штырь? Там можно через изгородь перелезть, мы же в этом году уже так на стадион пробирались. Видно, память ещё у тебя того, не до конца восстановилась.

Ага, с чего бы ей восстановиться, если у меня совсем другая память, которая помнит жизнь Алексея Лозового?! В общем, договорились смотаться на футбол. По ходу дела выяснилось, что у железнодорожников пока ещё нет своего стадиона, и домашние игры они проводят на «Динамо» и Центральном стадионе имени Ленина. Хм, так или иначе судьба сводит с любимым клубом. Правда,

именно сегодняшний матч игрался как раз в «Лужниках».

Но до матча оставалось ещё почти шесть часов, и мы решили прогуляться по центру Москвы. На этот раз поехали на метро и спустя примерно полчаса выходили в город на станции «Проспект Маркса».

– Может, в кафе зайдём? – предложил я, глядя на призывно манящую вывеску.

– А у тебя много с собой денег? А то мне мать тридцать копеек на всё про всё дала.

– Ну рубль-то есть, который я вчера у Бугра выиграл.

– На кафе не хватит, – грустно констатировал Муха после короткого мысленного подсчёта. – Только зря деньги потратим. Лучше давай просто мороженого в ларьке купим. А потом можно газировкой запить.

Эскимо в шоколадной глазури показалось мне на вкус просто божественным. А кстати, когда я в последний раз ел мороженое? Уже и не вспомнить. Куда чаще я травил свой организм спиртными напитками.

Неторопясь добрали до Красной площади. Ну точно, отец народов тоже ещё в Мавзолее лежит, чему свидетельствовали сразу две надписи. Сверху было написано «Ленин», а ниже – «Сталин».

– А что, Мавзолей сегодня работает? – толкнул я друга локтем в бок.

– Туда пускают только по вторникам, средам, четвергам, субботам и воскресеньям. А сегодня понедельник. Так что можешь завтра сходить с 10 до 13 часов, если есть желание. Да только ничего нового ты там не увидишь, мы же с классом были там зимой. Лежит дедушка Ленин себе тихо в стекляшке под лампочками, глазки закрыл, ручки сложил на животе... Да и Иосиф Виссарионович такой же.

Вот паразит! Сталин, правда, помер, когда Мухе было всего ничего, но по рассказам старших должен бы знать, что за такие слова могут и срок впясть, невзирая на возраст. Значит, уверен, что я его не сдам.

Ладно, хрен с ними, с вождями. По большому счёту сегодня я наслаждался своим новым телом. Как же это здорово, когда у тебя ничего не болит: поясницу перед дождём не ломит, кашель по утрам не сотрясает твоё тело, когда ты отхаркиваешь из себя какую-то хрень, камни в почках не застревают в самый неподходящий момент... Хотя когда он бывает подходящим? Правда, кто-то из умных сказал: «Если утром вы проснулись и у вас ничего не болит – значит, вы умерли». Однако сейчас я готов был с этим умником поспорить. Ну да он, наверное, имел в виду свой возраст.

В «Лужники» мы прибыли за час до игры. В кассы уже стояли очереди, но не такие уж и большие. О клубной принадлежности болельщиков можно было только догадываться. Никакой атрибутики, лишь программки в руках. Ну и ещё из разговоров, когда перевозносились Гусаров, Метревели, Шустиков, Воронин... Вполголоса обсуждали, что из-за какой-то бабы Эдик Стрельцов мотает срок. Ну да, об этом деле с якобы изнасилованием на пикнике я и читал, и смотрел даже какой-то документальный фильм. Вроде как Хрущ постарался, по его команде легендарному футболисту впаяли срок. Версий нам тут, в круговороте поклонников футбола, пришлось услышать множество. Чаще всего болельщики упоминали о конфликте Стрельцова с Фурцевой, вроде футболист отказался жениться на её дочке. А изнасилование – всего лишь ловко продуманная провокация.

Болельщики «Локомотива» всё больше обсуждали, что Бубукин изменил железнодорожникам с ЦСКА, хотя кто-то по старой привычке называл армейский клуб ЦДКА. Муха мне подсказал, что название коллектива изменилось в прошлом году, я сам, честно говоря, таких подробностей не помнил.

Рядом с кассами крепко сбитая тётка в порядке застиранном фартуке прямо с лотка продавала пирожки.

– С ливером, – прокомментировал Муха, глядя, с каким аппетитом уминает продолговатое жареное изделие солидного вида товарищ в шляпе с портфелем под мышкой.

– Что-то я проголодался, может, возьмём по парочке?

– Давай, у меня деньги ещё есть. И заодно вон у той бабульки семечек купим.

Сам стадион выглядел точно таким же, каким я его помнил с детства и в более зрелые годы, до того как сначала в 1997-м установили крышу с вентиляцией посередине, а в 2013-м окончательно не закрыли на реконструкцию к мундиале. Эх, не судьба мне, видно, посмотреть чемпионат мира в России. Хотя, может быть, и доживу в этом теле, если не сопьюсь или ещё что-нибудь не случится. Например, возврат в собственный, изношенный годами и вредными привычками организм. И кстати, даже в том теле я уж пару лет как-нибудь протянул бы. Главное, не очнуться в состоянии овоща.

- Ладно, пойдём, попробуем пролезть, - потянул меня Муха.

Оказалось, не мы одни были такими хитросделанными. Милиционеры, конечно, пытались как-то отловить безбилетников, но нас было так много, что большинство всё же просачивалось на стадион. А там уже садись куда хочешь, никаких тебе пластиковых бездушных кресел, все сидели, тесно прижимаясь друг к другу, на деревянных скамьях, рядами опоясывавших периметр вокруг зелёного поля и беговых дорожек.

Уже вовсю играл духовой оркестр - ещё одно воспоминание детства. Муха сел слева от меня, тут же принявшись лузгать семечки. Причём шелуху сплевывал прямо себе под ноги. Видя, что многие из соседей поступают так же, не утруждая себя морально-этическими терзаниями, я вздохнул и решил влиться в дружные ряды семечкоедов.

Матч закончился победой «Торпедо» с минимальным счётом. По пути домой забился с Мухой на три рубля, что чемпионом страны в этом сезоне станет киевское «Динамо». Он же ставил на «Торпедо», несмотря на то что болеть решил за «Локомотив».

Мама сегодня осталась на дополнительное ночное дежурство, поэтому хозяйством занималась Катька. Она отварила кастрюлю макарон с сосисками и со словами «Ешь, у тебя растущий организм» навалила мне большую тарелку, посыпав макароны сверху мелконарезанным зелёным луком. Причём, как и мама вчера, срезала зелень с луковиц, прораставших в небольших стеклянных баночках из-под майонеза и сметаны, наполненных водой. Сразу вспомнилась моя бабушка, она тоже выращивала лук на подоконнике, только высаживала луковицы в заполненной землей пластиковой коробке.

А ведь бабуля сейчас ещё вполне хорошо себя чувствует, да и родичи мои тоже живы-здоровы, правда, обитают они все в Рыбинске. Смотраться к ним в гости, что ли... И с какой мордой я туда заявлюсь? Здравствуйте, а я Лёша, которого вы недавно родили... Да-да, вот этот карапуз я и есть, только я из будущего, а это тело досталось мне во временное пользование. Ну или насовсем, тут уж как повезёт... Интересно, сразу спецбригаду из психушки вызовут или ещё какое-то время успеем поболтать? Лучше, пожалуй, пока не дёргаться, осмотреться, что к чему, а Рыбинск от меня никуда не убежит.

На следующее утро меня никто не будил. Я проснулся, судя по будильнику, без десяти девять утра, подумал, не сделать ли зарядку, решил, что ну её, ещё успеется, и выглянул в большую комнату. Мама, похоже, только недавно вернулась с ночного дежурства, спала, натянув на себя одеяло. Катюха уже проснулась, лежала на кровати в трусах и майке снова с книгой в руках. Да уж, нижнее белье в это время потрясает своей кондовостью, будь моя воля, открыл бы подпольный цех по пошиву приличного белья, пусть наши советские женщины будут самыми красивыми, элегантными и сексапильными! Эх, мечты, мечты...

Я всмотрелся в название книги: «Всадник без головы». Прочитал даже имя автора мелкими буквами, хотя и так его помнил – Майн Рид. Хм, а ведь у меня и зрение отличное, так-то было минус два, только очками и тем более линзами я принципиально не пользовался. Есть всё-таки плюсы в молодом организме.

– За молоком я сходила, пока ты дрых, – негромко отчиталась сестра не без упрёка. – Бидон вон на столе, можешь пить на завтрак с бутербродом. Или кашу тебе сварить?

– Не, не надо кашу, я так, с бутербродом. И лучше чай, наверное, а то молоко для желудка с утра слишком тяжело будет.

– Тогда шуруй на кухню, кипяти чайник, – отрезала Катюха, снова уткнувшись в книгу.

Ага, чайник вот, с вечера стоит на столе. Это хорошо, а то пришлось бы искать на кухне, какой из чайников наш, народ спрашивать, объясняй им, что меня типа током шандарахнуло и память после этого отшибло. У матери наверняка истерика случится. Оно мне надо?

На кухне находился только немолодой тощий мужик в грязной майке. Он держал татуированными пальцами самокрутку, которую смолил в раскрытую форточку, периодически срываясь в захлебывающийся кашель.

– Здорово, Егор, – хрипло приветствовал он меня, обернувшись на звук набирающейся из крана в чайник воды.

– Здравсте.

Не мешало бы добавить его имя-отчество, но как зовут этого мужика, я, хоть убей, не знал, хотя он-то наверняка был уверен, что Егор Мальцев его прекрасно знает.

– Чё-то ты стрёмный сёдня с утра, как не свой прямо, – выпустив струйку сизого дыма в форточку, констатировал сосед.

– Да... Голова что-то разболелась.

– Чифирни, и всё пройдёт.

Кривая ухмылка, от которой мне стало малость не по себе, разрешила нижнюю часть его аккуратно выбритого лица. Надо бы у Мухи поинтересоваться, что это за тип с такой уголовной рожей, что от одного взгляда обосраться хочется. Даже мне, повидавшему в жизни немало физиономий подобного типа – судьба музыканта куда только не забрасывала, доводилось и в зонах выступать.

Кстати, мы же договорились с Мухой в десять утра идти на пустырь играть в футбол против якиманских. То есть ребят с района Якиманки. За нас помимо меня и Мухи должны были выйти Бугор, Сява, Дюша и какой-то Пеле из соседнего дома, который, по словам Мухи, занимался в футбольной школе. Ну да, тот-то Пеле после чемпионата мира в Швеции в 1958-м уже стал звездой. А у нас получается пятеро в поле и один на воротах. Выяснилось, что в раме обычно стоит Бугор, как самый длинный, а я играю не только в передней линии, но и сзади успеваю, поскольку ношусь как угорелый.

– Хотя, – с ехидной ухмылкой добавил друг, – толку от твоей беготни немного, разве что ужас на соперника наводишь.

«Ну-ну, посмотрим», – подумал я, предвкушая поединок.

Пока позавтракал – уже половина десятого. Так, треники и кеды у меня вообще есть? Не в штанах же и ботинках играть! Поинтересовался насчёт этого у выбравшейся из постели Катьки вполголоса, чтобы не разбудить мать.

– Что у тебя с памятью, братишка? Майка в шкафу, там трико тоже, а дырявые кеды вон под стулом.

И правда дырявые. Вернее, у правого подметка начала отваливаться, левый-то ещё ничего. Надеюсь, не фатально, может, одну игру продержатся.

Что же всё-таки делать с деньгами? Может, вспомнить пару хитов из будущего, отнести в ВААП, или как в это время агентство называется, пусть авторские капаят. Если дело пойдёт, можно развернуться. В 1961-м у Битлов ещё ничего не вышло, никто их не знает, они-то собрались под названием The Beatles только в прошлом году. Через два года, если память не изменяет – а в таких вещах я могу на неё положиться с чистой совестью, – у них должен выйти сингл Please Please Me / Ask Me Why. Так что, пока есть время, можно все их ближайшие альбомы перепеть. Воровство? Что-то моя совесть молчит при этих словах. Нет, в самом деле, прикольно – учащийся железнодорожного училища на обложке журнала Rolling Stone... Или он ещё не основан? Ну не важно, что-то у них там должно выходить, посвящённое музыке. Да и в советском журнале тоже неплохо оказаться бы на обложке...

Блин, а у нас-то что здесь такого выходит? «Кругозор», «Ровесник», «Крестьянка», «Юный натуралист»? Хрен его знает, нужно в газетный киоск заглянуть, уточнить этот вопрос у киоскёра или просто изучить витрину. И вообще далеко не факт, что разрешат исполнять вещи на чуждом нашему уху языке. Да и на чём? В это время нормальную гитару днём с огнём не найдёшь, все на самопалах играют.

Нет, я понимаю, что самопал самопалу рознь. Вон, гитарист Квинов Брайан Мэй ещё подростком с отцом в сарае гитару собрал, так всю жизнь на ней и играет. Кстати, соберут через два года, в 63-м. Да ещё вместо медиатора использует вышедшую из обращения шестипенсовую монету. Только у меня отца такого нет, да и вообще нет его. Сгинул он в лагерях с подачи неизвестного парторга какого-то завода. Кстати, не мешало бы узнать имена, пароли, явки. Интересно,

эта гнида всё ещё ходит по земле, дышит с нами одним воздухом? Понятно, что это был отец как бы и не мой, а настоящего хозяина тела, но всё же врождённое чувство справедливости не даст мне спокойно жить, зная, что этот... Вообще-то нужно бежать, время десять.

Муха уже ждал во дворе, лениво пиная о стену мяч со шнуровкой. В такой только сапогами играть, прогресс в футболе движется не так быстро, как хотелось бы. Мы пожали друг другу руки и отправились в сторону какого-то пустыря.

- Слышь, Мух, - спросил я его по пути, - а на каком заводе мой батя работал?

- На Лианозовском электро-механическом. Почтовый ящик тридцать один.

- А этого парторга, который его сдал, не знаешь, случайно, как звали?

- Ты чё, отомстить, что ли, хочешь? - улыбнулся Муха. - Не, не знаю, у матери своей спроси... Хотя она же не в курсе, что у тебя память отшибло. У сеструхи твоей спросить, что ли... Боюсь, сдаст она тебя матери, тем более что может и не знать, как того пня звали. Ладно, тогда я спрошу у Алевтины Васильевны, только надо момент выбрать, чтобы она не насторожилась. А то вдруг просечёт, что мы задумали отомстить этому хмырю...

- погоди, Муха, почему это «мы»?

- Ты что, думал, я в стороне останусь?! Я, который с первого класса с тобой за одной партой сидел!..

- Да с чего ты вообще взял, что я мстить кому-то собрался? Может, просто так спросил, из любопытства.

- Ага, так я тебе и поверил. А то я не знаю тебя!

- Действительно, может, и не знаешь. Вдруг после отключки в меня кто-то другой вселился, который ничего не знает о том, что происходит вокруг. Например, какой-нибудь старый хрыч из... будущего.

– О, здорово было бы, рассказал бы, как оно там, в будущем, – заржал Муха. – В каком году коммунизм окончательно победил? Мы ещё успеем оторваться при коммунизме? И когда наши на Луне высадятся, в шестьдесят втором или шестьдесят третьем?

Эх, знал бы ты, верный друг Муха, что коммунизм победит разве что в Северной Корее, но такого извращённого коммунизма нам и даром не надо. А то, что пришло на смену развалившемуся Союзу, вообще хрен знает как можно назвать. Да и с Луной непонятки. Нога советского космонавта на неё так и не ступила, а вот американского... Тут тоже не всё ясно: то ли высадились, то ли тщательно спланированная инсценировка.

Все эти мысли я оставил при себе, искренне завидуя Мухе, да и всему подрастающему поколению, которые уверены, что впереди их ждёт светлое будущее.

А вот и пустырь – поляна с порядком истоптанной травой, которая не могла скрыть проглядывающие местами кочки. М-да, не «Лужники» и даже не «Динамо». Бугор уже в раме, представлявшей собой две вертикальные и одну поперечную жерди. Перчатки где-то стырил, правда, не футбольные, отбивает и ловит ещё более разлохмаченный мяч, чем наш, который ему бьют по очереди Дюша, Сява и ещё какой-то парнишка. Наверное, это и есть Пеле. Понятно, что прозвище, но придётся пока его так звать.

Подошли, пожали руки.

– А где соперники? – спросил я.

– Да вон идут, – кивнул Дюша.

Точно, двигает в нашу сторону целая орава, похоже, вместе с болельщиками. Такая же шпана, и только один в кедах, все остальные в ботинках разной степени сношенности. В нашей команде помимо меня в спортивной обуви ещё Пеле, причём в настоящих футбольных бутсах. Понятно, не Adidas и не Lotto из полиуретана, а из натуральной кожи, но тем не менее. Да и гетры имеются, и шорты, и майка с армейским логотипом.

Сразу же решили выяснить вопрос, на что играем. Сошлись на том, что играем «на сало» – проигравшие встают в ворота спиной к победителям, и те расстреливают мячом задницы неудачников.

– В общем, как обычно, я впереди, Муха и Штырь в полузащите, Дюша с Сявой держат оборону, а Бугор стоит в рамке, как Яшин, – распределил всех Пеле. – Стараемся лишить соперника мяча, отрабатываем высокий отбор, – (слово «прессинг» в это время, видно, было ещё не в ходу). – Мячом завладели – ищем меня, сразу пасуем.

Похоже, на футбольном поле этот подросток с прищуром тёмно-карих глаз держит масть, и пофиг ему даже притихший Бугор. Кого-то он мне напоминал, хотя и весьма отдалённо. Ладно, потом разберёмся, вон соперники уже тоже на позициях, а командует у них явно парнишка с родимым пятном на щеке. Как раз в кедах и трико типа моего. Роль судьи с настоящим, поблёскивающим металлом свистком взял на себя вихрастый парень, пришедший с ними и занявший место рядом со зрителями. Надеюсь, не будет подсуживать нашим оппонентам.

– Играем два тайма по пятнадцать минут, – объявил вихрастый и что было сил выдул из свистка задорную трель.

Под крики немногочисленной публики мы, выполняя установку Пеле, сразу же принялись прессинговать соперника. Такая тактика уже через минуту принесла результат – защитник якиманских сфолил недалеко от ворот, и был назначен штрафной. К мячу, как я и предполагал, подошёл Пеле и так закрутил футбольный снаряд, что тот влетел в самую девятку ворот. Отчаянный прыжок голкипера не спас команду от пропущенного гола.

– Один – ноль, ведут савёловские, – объявил судья.

– Пацаны, собрались, – командует в стане соперников их капитан с родимым пятном.

Нет, как ни крути, а соперник играл неплохо. Стоптаные ботинки не мешали им тоже носиться как угорелым и даже стелиться в подкатах. А родимый, как я его окрестил про себя, обладал неплохим ударом. Первый раз, правда, зарядил прямо по центру ворот. Бугор если и хотел увернуться, то не получилось. А вот со следующей попытки родимому удалось поразить левый нижний угол нашей

рамки. 1:1, и уже не так радостно, как мгновениями раньше.

До конца второго тайма мы всё же сумели забить второй гол. Пеле, обыграв двух защитников, выкатил мяч на уже пустые ворота, и Муха просто не мог промахнуться.

Однако в начале второго тайма соперник вновь восстановил статус-кво. И вновь отличился родимый. Я со своей стороны старался как мог, лёгкие у Егора, хотя тот вроде бы и покуривал, работали как кузнечные мехи, мои ноги носили меня по всему полю, а не только по моему правому флангу. В какой-то момент я подумал, что, может, не стоит сразу избавляться от мяча, отдавая его Пеле, могу же я сам что-то показать. А что? Ну, например, финт Зидана, который я освоил году эдак в 2000-м, уже играя за «Старко». И, кстати, несколько раз он у меня проходил, заставляя как наших, так и зарубежных соперников удивлённо раскрывать рот. Так что, овладев мячом в очередной раз и видя, что Пеле прикрыт сразу двумя соперниками, а мне противостоит только один, я и применил эту «марсельскую вертушку». Сработало! Через пару секунд я оказался один на один с вратарём, ошеломлённо пучившим глаза от увиденного, и мягко покатил ему мяч прямо в «калитку», то есть между ног.

Зрители – преимущественно мелюзга – зашлись в восторге. Пеле пожал мне руку, следом за ним Муха, Сява и Дюша. Бугор выражал своё ликование в рамке, по-обезьяньи повиснув на перекладине и дрыгая ногами. Якиманские удручённо качали головой, всё ещё не веря, что я мог такое продемонстрировать, а их предводитель в чувствах сплюнул в сторону.

Матч так и завершился нашей победой с минимальным счётом. После игры соперникам пришлось выполнять уговор, встав, как говорится, к лесу задом... То есть к нам. Впрочем, мы старались особенно сильно не лупить, жалея поверженного врага.

– Нужно будет как-нибудь попробовать на тренировке проделать такой трюк, – задумчиво произнёс Пеле, когда мы покидали импровизированный стадион. – Слушай, Штырь, а как называется этот приём?

Я чуть было не ляпнул: «Финт Зидана», но вовремя спохватился. В это время Зинедина, наверное, ещё и на свете-то нет. Точно нет, пик его карьеры пришёлся на 1998-й, на домашний чемпионат мира, так что до рождения

кудесника мяча из Франции ещё лет десять как минимум подождать осталось.

- Название пока не придумал, - ответил я, скромно пожав плечами.

- Назовём его финтом Штыря, - встрял Сява и тут же получил подзатыльник от Бугра. - Не, а чё?! Раз Штырь его придумал, пусть в его честь приём и называется.

- Тогда уж финт Мальцева, - поправил Муха.

На том и сошлись, к моему великому стыду. Вот, первую вещь из будущего я уже украл. Правда, пока не песню, а всего лишь футбольный финт, но это же вещь заразительная! А в будущем, мать его за ногу, будет немало удивительных и интересных вещей.

Глава 3

Выяснилось, что доморощенного Пеле на самом деле звали Володей Козловым. Ну точно, а я-то голову ломаю, кого он мне напоминает... Тот самый, что был воспитанником армейской футбольной школы, взрослую карьеру начинал в «Локомотиве», а расцвет его выпал на годы игры в московском «Динамо». И если память мне не изменяет, то в дебютном матче за бело-голубых забил единственный гол. По-моему, мы с батей как раз были на той игре против земляков из «Торпедо».

Наши пути снова пересеклись буквально через пару дней, когда мама отправила меня в магазин за развесной сметаной, снабдив деньгами, авоськой и поллитровой банкой. Не успел встать в очередь, как почувствовал хлопок по плечу. Обернулся - Пеле.

- Привет, Штырь!

- Здорово! Тоже за сметаной?

– Ага. Слушай, я о тебе своему тренеру рассказал и финт продемонстрировал, который ты провёл против якиманских. Он заинтересовался, хочет тебя увидеть. Может, подойдёшь на тренировку?

Да уж, а говорят, что дважды в одну воронку снаряд не падает. В той жизни я в детской футбольной школе занимался, и сейчас что-то такое наклёвывается. Правда, не в динамовской, но всё равно «кони» и «мусора» всегда, что называется, дружили домами, потому как оба клуба представляли силовые ведомства. Нет, ну а что, лето длинное, делать по существу особо нечего, не с Бугром же и Сявой сивуху за сараями распивать. А так, глядишь, воплотится моя мечта стать футболистом. Хотя и музыку однозначно забрасывать нельзя. В конце концов, что мне мешает «сочинять» песни и играть в футбол?

– Мальчик, тебе сколько завешивать?

Оказывается, пока думал, моя очередь подошла.

– Наливайте полную. – И повернулся к Пеле: – Хорошо, можно и подойти. Только заранее предупреди, когда у вас тренировка и где. А лучше зайди за мной.

– Договорились... Гляди, – кивнул в сторону огромной витрины Пеле, – Любка ваша чапает.

Опуская банку со сметаной в авоську, я кинул взгляд на улицу. Точно, Любка, ни дна ей ни покрышки, идёт, одна рука в кармане юбки, из другого кармана семечку за семечкой достаёт, шелуху на асфальт сплёвывает... Да-да, была и такая форма одежды у девчонок эпохи оттепели – юбки с карманами. А лузгать семечки были приучены все – это как в будущем жвачку жевать.

С Любкой и Натахой я познакомился на следующий день после памятного футбольного матча с якиманскими. Оказывается, эти две девчонки периодически присоединялись к нашей дворовой компании, когда им было нечего делать или просто хотелось пофлиртовать с парнями. В тот вечер так и получилось, заглянули «на огонёк», то есть на бутылочку портвейна и покурить. Натаха сразу стала ластиться к Бугру, я так понял, что она его подруга, а вот Любка почему-то своё внимание сосредоточила на моей персоне. Заметив, как Муха мне подмигивает, я отозвал его в сторонку и потребовал объяснения.

– Так ведь Любка на тебя глаз давно уже положила, а ты, похоже, и запамятовал, после того, как тебя током шибануло, – едва сдерживая улыбку, заявил дружба́н. – Вы с ней даже как-то целовались, думали, что никто не видит.

Тут он уже не смог удержаться и прыснул в сторону. Я отвесил Мухе шутливого пенделя, а сам не на шутку призадумался. Честно говоря, эта Любка не вызывала во мне никаких чувств, в смысле, тех, на волне которых хочется не только целоваться, но и поставить бабу в позу. Это я уже рассуждаю с высоты прожитых лет повидавшего немало на своём веку человека, в чьей постели побывало достаточно как симпатичных, так и не очень симпатичных женщин. Любка выглядела не совсем страхолюдиной, зубы на месте, курносая, грудки уже выпирают из декольте... Но не было в ней той загадки, что ли, той неприступности, которая заставляет мужиков рвать рубаху на груди и совершать ради прекрасной дамы порой невыносимые поступки. А тут подходи и бери... И я практически уверен, что Любка давно уже не девочка. Тьфу!

На исходе того вечера, заметив, что я стараюсь от неё дистанцироваться, Любка шепнула мне на ухо: мол, чего я как не родной. Отбоярился уже привычной фразой о больной голове.

– Ну-ну, – подозрительно высказалась девица, – и часто она у тебя болит?

– Да-а... Случается.

В общем, увидев через огромное окно неторопливо шествующую Любку, я задержался на какое-то время в магазине, как говорится, от греха подальше. Мало ли, вдруг на шею кинется или ещё что в голову ей взбредёт... Из магазина вышел вместе с Пеле. Какое-то время мы шли рядом, разговаривая о футболе, а затем он свернул к своему дому, а я пошёл дальше.

Вечером мама приготовила на ужин омлет с впечёнными в него кусочками сардельки, а на десерт к чаю отрезала мне нехилый кусок вафельного торта в шоколаде «Сюрприз».

– Сегодня на работе один пациент подарил перед выпиской, – объяснила родительница столь широкий жест. – Егорка, а что ты в тот раз на гитаре наигрывал? Что-то совсем незнакомое...

Естественно, незнакомое, эта песня родится у меня лет через тридцать. Но скромничать я не стал, так и заявил, что сочинил песню, называется «Птица». И могу даже спеть. Мама была двумя руками «за». Не успел я снять со стены гитару, как распахнулась дверь и заявила раскрасневшаяся Катька.

– Опять хахаль до подъезда провожал? – без особого упрёка поинтересовалась мать. – Давай умывайся и ужинай, а потом нам Егор песню будет петь.

Так что пришлось подождать ещё минут пятнадцать, пока малочисленная аудитория наконец угомонится и займёт места поудобнее. Перебор, вступление, начинаю петь... Исполнение обеих захватило, мама даже немного расчувствовалась, но, вероятно, больше от осознания того, что её считавшийся не очень путёвым сын наконец взялся за ум, научился играть на гитаре и даже сочиняет такие мелодичные песни. После финального аккорда поднялась и чмокнула меня в лоб, отчего я почувствовал себя несколько не в своей тарелке. Катька же зааплодировала, картинно, вроде как со стёбом, но видно, что и её проняло.

– Егоркин, а можешь спеть «Песню о дружбе» из кинофильма «Верные друзья»? – поинтересовалась она.

– Честно говоря, слова я не все помню...

– Можешь подыграть, а мы с мамой тебе подпоём.

– Давай я лучше вам другую песню сыграю, называется «Город золотой».

– А это из какого фильма?

– Пока не из какого, может, в будущем в какую-нибудь картину её и воткнут. Тоже сочинил на днях.

Исполнил им балладу из будущего на стихи Волхонского и музыку Вавилова, который зачем-то приписывал авторство некоему Франческо Канова да Милано. Тут уж и Катюха растрогалась, на пару с мамой принялись упрашивать спеть «Город» ещё раз. Только настроился, как раздался осторожный стук в дверь.

– Входите, открыто, – разрешила мама.

Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова нашей соседки, толстухи Павлины Терентьевны.

– Алевтин, а мы тут всей коммуналкой на кухне копошимся, слышим, твой-то какие рулады выдаёт. Только через дверь не очень хорошо слышно. Может, Егорка вый дет на кухню, споёт для всех?

Мама вопросительно посмотрела на меня, а я делано пожал плечами. Мол, как скажете, могу и спеть, причём совершенно безвозмездно, как говаривала Сова, вручая ослику Иа его же хвост.

На кухне мне выделили табурет у окна, остальные расселись на вынесенных из комнат стульях и табуретах. Наша коммунальная мелюзга в лице пятилетней Маши и шестилетнего Толика тоже присутствовала здесь, но им строго-настрого наказали не шуметь, иначе они тут же, без разговоров будут отправлены спать. Даже беременная Раиса приковыляла, усаживаясь на заботливо подставленный супругом стул. А к дверному косяку прислонился, скрестив руки с татуированными пальцами на впалой груди и глядя на меня с прищуром, тот самый сосед, что предложил мне чифирнуть, чтобы не болела голова. Про него я как раз накануне расспрашивал Муху. Выяснилось, что зовут его Никодим: то ли это настоящее имя, то ли погоняло, которое он получил, чалясь в лагерях по уголовным статьям. О своём прошлом Никодим не распространялся, это был максимум того, что знал мой нынешний кореш. Судя по татуировкам, отмотал мужик немало и являлся в своей среде авторитетом. Последний вывод я сделал, узрев кусочек восьмиконечной звезды, наколотой под левой ключицей.

Мама с Катькой, гордо поглядывая на соседей, восседали на табуретах в первом ряду.

Однако это же получается своего рода квартирник. Давненько я в них не участвовал. Не устроить ли мне им небольшой концерт на ночь глядя? А что, и сам немного освежу память, а то даже истосковались руки по струнам, а связи по песням. К слову, голос у моего нового тела был вполне неплохой, выдавал тенор с лёгкой хрипотцой, такое чувство, что ломка уже прошла. Во всяком случае, чем-то он напоминал вокальные данные моего находящегося в затянувшейся коме организма.

Исполнил я для начала «Город золотой», затем «Птицу», следом – «Женщину моей мечты», ввергнув маму в лёгкое смятение – всё-таки композиция, как пишется на афишах, 16+. Да пофиг, народу-то нравится, вон как глазищи у всех блестят.

Эх, гулять так гулять! Выдам-ка я им теперь розенбаумовский «Вальс-бостон». Народ пёрся, щас начнут, чего доброго, закидывать букетами... Шутка! Разбавил лирическое настроение публики приклатнённой вещью из репертуара всё того же Александра Яковлевича «Гоп-стоп». С трудом сдержался, чтобы перед началом исполнения не объявить: «А теперь, по просьбе уважаемого Никодима...»

Кстати, если бывший сиделец раньше никак особо не проявлял своих эмоций, то на «Гоп-стопе» зашевелился в буквальном смысле слова. То есть поменял позу, и его маленькие, спрятанные во впадинах глазки заблестели, что было мной расценено как небольшой успех. И не только он, почти вся мужская часть коммуналки изрядно оживилась, а вот мама осуждающе покачала головой.

Ладно, не будем травмировать хрупкую женскую психику, исполним ещё пару вещей – и по домам. А порадуя-ка я собравшихся иностранным репертуаром. Например, битловской Yesterday. Народ, конечно, слов не понял, но настроение уловил. А напоследок в качестве колыбельной выдал вещь Кости Никольского «Музыкант». Сколько раз он её пел на наших кухонных посиделках!.. Извини, Костя, что я тут, в прошлом, экспроприировал твоё творение, но уж очень нравится мне эта песня, честно говоря, даже завидовал когда-то, что не я её написал.

– Всем спасибо за внимание, концерт окончен! До следующих встреч!

С этими словами я поднялся и картинно раскланялся. Женщины принялись аплодировать, мужчины одобрительно похлопывали по плечу и жали руку. Только Никодим как-то незаметно испарился. Ну что ж, уверен, что моё выступление его тоже не оставило равнодушным.

– Егор, когда?.. Когда ты успел научиться ТАК играть на гитаре и сочинить все эти песни? Да ещё и на английском языке!

Мама пребывала в лёгком шоке. Она смотрела на меня с таким видом, будто видела впервые в жизни. Катька реагировала менее бурно, но чувствовалось, что и она находится под впечатлением.

– Так вот, понемногу тренировался, пока никого не было дома, – развёл я руками.

А сам думал, что вот вернут меня в моё тело, а в это снова загрузится (если, конечно, загрузится) сознание настоящего Егора, и, естественно, тот ни ухом ни рылом в музыке. Вполне вероятно, у него музыкальный слух отсутствует напрочь. Вот тогда-то шок для мамы будет ещё больше.

Кстати, для пальцев левой руки этот концерт стал нелёгким испытанием. С растяжкой я ещё более-менее справлялся, кисть у пацана была практически взрослой. А вот мозолям ещё предстояло нарасти, потому как струны на гитаре были отнюдь не нейлоновые, а, как мы их когда-то называли, рабоче-крестьянские. Пока же подушечки пальцев левой руки только покраснели, причиняя некоторый дискомфорт.

В общем, в тот вечер я лёг спать в звании героя коммунальной квартиры. Но сон долго не шёл. Я раздумывал, не стоит ли мне занести десяток-другой композиций на нотную бумагу и завизировать их во Всесоюзном агентстве по авторским правам? Правда, меня терзали смутные сомнения, что в это время ВААП ещё называется ВУОАП, то есть Всесоюзное управление по охране авторских прав. Всё-таки в голове что-то такое отложилось. К тому же я не знал, имеет ли право несовершеннолетний регистрировать свои произведения и получать за них гонорар, потому что в той жизни в ВААП впервые я припёрся в двадцать четыре года с песней «Северный восход». За которую, кстати, в течение следующих почти сорока лет получил всего несколько отчислений. Ну не хит, не шлягер, что ж теперь! Зато с «Птицы» и «Женщины моей мечты» я неплохо поимел, что помогло мне держаться на плаву после скандального развода.

Короче, уснул я только под утро. А через день за мной в девять утра забежал Пеле. Вернее, я услышал снизу:

– Его-о-ор! Мальцев!

Я выглянул в окно и узрел будущую звезду футбола с тугим, кое-как застёгнутым портфелем в руке. Увидев мою физиономию, Пеле широко улыбнулся:

- Привет! Ну как, идём на тренировку?!

- Блин, я только завтракать собрался...

- Нужно есть за два, а лучше три часа до тренировки или игры, а лучше часов за пять. Тебе что важнее - завтрак или футбол?

- Ладно, сейчас спущусь.

Кое-как отбоярившись от матери, переживавшей по поводу так и не съеденного завтрака, принялся закидывать трико и кеды по примеру товарища в портфель, раз уж со спортивными сумками в это время, вероятно, дело обстоит туго. Кое-как втиснулась пара завёрнутых в упаковочную бумагу бутербродов - это уже по настоянию матери, хотя после тренировки я оценил её заботу, когда желудок начало подводить от голода. А через три минуты я уже был во дворе, и мы отправились на ближайшую станцию метро.

Отстроенная в этом году учебно-спортивная база «Песчаное» располагалась, следуя своему названию, на 3-й Песчаной улице. Находилась она в двух шагах от стадиона ЦСКА, который ещё год назад назывался ЦСК МО, а до этого ЦДСА. До начала тренировки оставалось минут пятнадцать. Пеле уверенно направился в сторону подтрибунного помещения, где располагались раздевалки.

- Привет всем! А где Ильича найти? - поинтересовался он у переодевавшихся одноклубников.

- У себя в тренерской должен быть, - басовито ответил рослый парень, зашнуровывавший тёмно-коричневые бутсы.

Наставник пятнадцатилетних футболистов Валерий Ильич Байбаков оказался не улыбочивым мужчиной лет сорока пяти, с двухдневной щетиной на подбородке. Он что-то сосредоточенно выводил химическим карандашом в школьной тетради, когда Пеле после короткого стука толкнул скрипнувшую дверь с уже

порядком облупившейся зелёной краской.

– Здравствуйте, Валерий Ильич. Вот, привёл парня, я вам о нём рассказывал.

– А, это тот Мальцев, который чудо-финт изобрёл?

– Ага, он и есть.

– Ну что ж, пусть переодевается и со всеми выходит на разминку. Посмотрим, что он собой представляет.

Как-то не очень приятно, когда в твоём присутствии о тебе говорят в третьем лице. Но права качать в нынешнем своём теле я ещё возрастом не вышел, да и ситуация пока не та, поэтому молча кивнул и отправился следом за Пеле в раздевалку.

Тренировка началась с лёгкой пробежки по кругу стадиона, которая превратилась в бег с ускорениями. Тут я выглядел очень даже неплохо, ещё раз мысленно поблагодарив предыдущего владельца подросткового организма за то, что тот не успел окончательно прокурить свои лёгкие. Затем пошла работа с мячом. Парни разделились на четвёрки и стали перепасовываться в «квадраты». Я оказался в одном квартете с Пеле. Ильич неторопливо прохаживался, делая замечания и раздавая указания:

– Крутов, точнее отдавай. Зиганшин, не спеши, в игре тоже вечно спешишь как на пожар. Оленин, «щёчкой» бей, «шведой» у тебя всё равно пока толком не получается... Новенький, вроде нормально, сейчас поглядим, как в двухсторонке отработаешь. Но сначала покажи свой финт, который тут Козлов пытался продемонстрировать.

Пришлось показывать с помощью пытавшегося отобрать у меня мяч защитника. Прокатило. Второй раз тоже удалось. Ильич дёрнул подбородком:

– Так, все запомнили, как правильно финт делается? Будете отрабатывать каждую тренировку. А теперь играем двухсторонку.

Поле было несколько меньше стандартного размера, соответственно и ворота имели всего пять метров в ширину и два в высоту. Поскольку на тренировке присутствовало 19 человек, то нас разбили на две команды по восемь в каждой – один вратарь и семеро полевых. Трое пока сидели на лавке, дожидаясь замен.

– Правша? – спросил меня Ильич. – Козлов говорит, у тебя скорость хорошая? Тогда сыграешь крайка.

– Крайка? – не понял я.

– Да, крайка, крайнего правого полусреднего, – немного раздражённо повторил Ильич. – А поскольку составы у нас неполные, то держишь всю бровку от своих ворот до чужих.

– А-а, понял, мне играть вингера? Ну так бы и говорили.

– Что ещё за вингер? – непонимающе глянул тренер.

Вот блин, тогда что, этого термина ещё не было? Вроде помню с детства всех этих вингеров-хавбеков-инсайдов, не говоря уже о форвардах. Или тут по команде Никитки всё ещё актуальна программа борьбы с западнопоклонничеством?

– Ну, вингер, от английского слова «wing» – крыло. Так англичане называют крайнего полузащитника, который может закрыть всю бровку. Читал в каком-то старом журнале статью о футболе, там были голкиперы, беки, хавбеки и вингеры.

– Хм, вингер, придумают тоже... Ладно, вингер, всё понял? Тогда вперёд!

Конечно, ребята тут играли не в дворовый футбол, уровень чувствовался. Но и я среди юных футболистов не смотрелся белой вороной. Да что там скромничать, весь тайм, на который тренер отвёл нам 20 минут, я бороздил свою бровку от ворот до ворот, успевая обострять игру в нападении и помогать в обороне при атаках соперника по моему флангу. Мы выиграли 3:1, а я помимо голевой передачи на Пеле и сам отметился забитым мячом, правда, не без помощи лёгкого рикошета от ноги защитника команды соперников.

Впрочем, по окончании встречи Ильич плюшки раздавать не спешил.

– Неплохо для первого раза, – без тени улыбки констатировал коуч. – Говоришь, ни в какой спортшколе раньше не занимался?

– Нет, Валерий Ильич, только во дворе мячик с пацанами пинали.

– Ну, задатки у тебя есть, это видно... Что, согласен в армейскую спортшколу записаться?

– В армейскую?.. Почему бы и нет, можно и в армейскую.

– А так за кого болеешь?

– Хм, вопрос, честно говоря, сложный.

– Надеюсь, не за «Спартак»?

– Уж точно не за него, – усмехнулся я.

– Это хорошо, а то к питомцам Николая Петровича у нас, скажем так, особое отношение... Ладно, хоть набор у нас проходит в сентябре, да и по возрасту ты переросток, но сделаю для тебя исключение. Принесёшь медицинскую справку и выписку из школьного аттестата. Надеюсь, не двоечник?

– Скорее троечник, – утешил я тренера. – Документы уже отнёс в железнодорожное училище. Аттестат, кстати, тоже.

– Тогда там в секретариате попросишь, чтобы тебе сделали выписку. А направление в спортивный диспансер я тебе сейчас напишу. У меня там главврач, Семён Львович, хороший знакомый, пройдёшь прямо к нему, он тебя направит к каким надо врачам. До конца недели управишься? Тогда иди прими душ, а потом зайдёшь ко мне в тренерскую за направлением в диспансер.

Обстановка в спортшколе ЦСКА в принципе располагала, да и тренер не казался каким-то уж авторитарным монстром. Неулыбчив, это да, но дело своё, по словам Пеле, вроде знал неплохо. Поэтому я решил пока приглядеться, может,

выйдет из меня какой-нибудь толк и на футбольном поприще. Но с музыкой завязывать я не собирался, одно другому, как говорится, не помеха.

Но прежде чем в следующий понедельник я положил на стол Ильичу справку из диспансера и выписку оценок из школьного аттестата, произошли кое-какие события. Причём из разряда не очень приятных. Я начинал понемногу избегать встреч с корешами Егора, разве что с Мухой, как соседом и одноклассником, а теперь ещё и сокурсником, виделся довольно часто. Вот как раз Муха и настоял в этот субботний день, чтобы я присоединился к их компании, поскольку должен был решаться какой-то серьёзный вопрос.

Пуская по кругу папиросу и бутылку вермута, мы решали, как нам лучше обчистить сегодня вечером табачный ларёк возле станции метро «Курская». Идея исходила от Бугра, он и предложил, как стемнеет, выставить стекло и Сяве, как самому мелкому и шустрому, забраться внутрь.

– Разбивать, что ли, собрался? – спросил Муха, забывчивая окурочек. – Шуму знаешь сколько будет, там же в центре постоянно милицейские патрули шастают.

– На фига разбивать, гвоздики отогнём, я сегодня уже с утра ходил, приглядывался.

– Я не смогу, мне родители велят в девять вечера дома быть, – потупив глаза, сообщил Дюша.

– Послал бы их, да и всё, – с лёгким презрением ответил Бугор. – Чё, может, ещё кому-то мамка не разрешает после девяти гулять?

Честно говоря, у меня было большое желание взять самоотвод, но я подумал, что пока рано демонстрировать характер и хорошее воспитание. Всё ж таки табачный ларёк собрались грабить, а не одинокую старушку.

– Так во сколько точно киоск чистить начнём? – решил я всё же уточнить.

– Часов в десять нормально будет. Он не возле самой станции, а за углом, так что место там не самое людное. Двое на стрёме, я и Сява работаем по месту.

В общем, решили, что без четверти десять встречаемся у станции метро «Курская». Желательно с портфелями, потому что сетчатые авоськи, набитые ворованной табачной продукцией, нас сразу же спалят. А подросток с портфелем, даже в одиннадцатом часу вечера, особого подозрения вызвать не должен.

Поскольку мама сегодня снова дежурила в ночную и ушла из дома за час до того, как я заявился на ужин, то я предупредил Катюку, что приду сегодня попозже, часов в одиннадцать.

– Свидание у меня сегодня, – ответил я на её немой вопрос. – Хотим погулять по набережной Москвы-реки.

– Не рано тебе ещё на свидания-то ходить? – потрепала сестра меня за вихор.

– Нормально, – стараясь, чтобы мой голос прозвучал грубее, ответил я.

– А кто хоть твоя избранница?

– Да-а... Есть одна.

– Ну ладно, не хочешь – не рассказывай. Только сильно не загуливайся. Ключ не забудь взять, а то я, может, уже спать буду, когда ты вернёшься.

Без четверти десять мы с Мухой вышли на станции метро «Курская». На выходе нас уже поджидали Бугор и Сява. Путин всячески демонстрировал, что ни капельки не боится предстоящей операции по хищению социалистической собственности, где ему предстоит сыграть одну из главных ролей, но чувствовалось, что вся его бравада больше напоказ.

Мы свернули за угол, где стоял киоск с надписью «Сигары-сигареты-табак», тут Бугор забрал у нас пустые портфели и показал отвёртку:

– Щас гвоздики отогну вон на том окошке, и всё будет чики-пуки.

– Ты только «пальчики» свои не оставь случайно на стекле-то, – посоветовал я автору воровской схемы.

– Что за «пальчики»?

– Отпечатки пальцев, по которым найдут тебя, а через тебя, вполне вероятно, и нас.

– А-а, точно! Блин, а чем их вытереть...

– На вот, держи, – протянул я Бугру относительно чистый носовой платок. – После вернёшь. И ты, Сява, особо там не следи.

– Ладно, не учи учёного, – с ухмылкой протянул малолетка.

После того, как роли были распределены, мы с Мухой рассредоточились в разных концах проулка. В случае появления нежелательных прохожих и уж тем более милицейского патруля следовало зайти в приступе кашля.

Признаться, пока я караулил свой участок проулка, меня изрядно потряхивало. Как-никак не было у меня опыта противоправных действий, и вероятность быть пойманным и впоследствии отправленным в колонию для несовершеннолетних меня совсем не прельщала. Жизнь, блин, только начинается, а тут сразу большой и жирный крест. И так уже стою на учёте в ПДН, из-за чего, по словам Мухи, мне, как и ему, пока не довелось вступить в ВЛКСМ. А быть вне комсомола сейчас – это лишиться многих плюшек.

Лёгкий свист отвлек меня от созерцания освещённого окна на втором этаже в доме напротив, где мелькал женский силуэт. Едва различимый в свете далёкого уличного фонаря Бугор махал рукой. Похоже, можно было выразиться фразой Василия Алибабаевича: «О, украли уже? Ну я пошёл».

Действительно, дело провернули довольно быстро, Бугор уже успел вставить на место стекло. У киоска стояли три портфеля и объёмистая сумка, принадлежавшая нашему боссу.

– Всё отлично, отпечатков менты не найдут, – возвращая мне платок, довольно сообщил Бугор. – Сейчас чешем в наше потайное место и там скидываем барахло. А потом можно и по домам.

Потайным местом оказался подвал старого, ещё дореволюционной постройки дома, уже который год, если верить Мухе, готовящегося под снос. У запасливого Бугра с собой был припасён фонарик, он шёл первым, изредка посвечивая назад, чтобы мы не разбили себе лоб о низкий сводчатый потолок. Хорошо хоть, земляной пол оказался относительно ровным и чистым.

Наконец остановились у дощатой двери, закрытой на навесной замок. Ключ от неё у Юрки Крутикова тоже имелся. Комнатушка оказалась небольшой, в ней даже присутствовало что-то вроде стола. То есть крышка была от настоящего стола, но она покоилась на ящиках, сколоченных из деревянных реек. Такие же ящики служили стульями.

Пока Сява и Муха зажигали свечи, Бугор вываливал на импровизированный стол содержимое своей сумки и наших портфелей. Наконец появилась возможность как следует рассмотреть, что же мы приволокли.

«Октябрьские», «Курортные», «Строим», «Крым», «Дніпро», «Памир», «Ворошиловский стрелок», «Дюшес», «Север»... Само собой, «Казбек» и «Беломорканал». О, а вот и сигареты «Друг» Ленинградской табачной фабрики имени Клары Цеткин. Но ещё без собачьей морды на красной упаковке, памятной по фильму «Берегись автомобиля». Плюс несколько пачек махорки и упаковок папиросной бумаги и с десятков бензиновых зажигалок. Не какой-нибудь китайский пластиковый ширпотреб, а поблёскивающие металлом, приятно оттягивающие ладонь прямоугольнички с выгравированным на боку рисунком.

– Ну вот, а то приходилось каждый раз мелочь искать на курево или стрелять по сигаретке-папироске, – довольно произнёс Бугор. – Чё, курнём на дорожку – и по домам?

– А давай.

Мы раздербанили пачку «Крыма», выкурили по сигарете, получили в подарок каждый по незаправленной зажигалке и отправились по домам. До своей станции добрались без проблем. Оставалось пройти пешком минут двадцать и постараться не попасться на глаза милиции. Хотя в Москве и не действовал комендантский час, однако гуляющие в ночное время сами по себе подростки могли вызвать ненужное подозрение.

Мягко провернув ключ в замке, я крадучись направился мимо общей кухни в сторону нашей «полуторки». Свет на кухне не горел, но я разглядел на фоне окна, в которое пробивался слабый свет полумесяца, силуэт Никодима. Тот по привычке дымил в открытую форточку.

– Доброй ночи, – негромко поздоровался я и постарался прошмыгнуть дальше.

– Девок, небось, выгуливал? – окликнул меня бывший сиделец.

– Вроде того.

Задерживаться в потёмках наедине с соседом у меня не было ни малейшего желания, хотя по фактуре я был, пожалуй, помощнее Никодима, случись нам сойтись в рукопашной. Тут же себя одёрнул, мол, что за чушь лезет в голову? Да, тип достаточно неприятный, но не факт, что он прячет в кармане заточку и только и думает, как сунуть кому-нибудь перо в бочину.

– Хорошо поёшь, и песни у тебя неплохие, – неожиданно выдал Никодим, заставив тем самым меня притормозить.

– Да, спасибо за оценку моих скромных трудов, – не смог удержаться я от легкого пафоса.

– А эту, про гоп-стоп, сам, что ли, сочинил?

Блин, не рассказывать же правду, пришлось говорить, что песня принадлежит вашему покорному слуге.

– Ты это, Егор, может, слова мне как-нибудь на бумажке перепишешь?

– Да без проблем. Хоть завтра с утра.

Или уже сегодня? Ну да, время-то, пожалуй, было уже первый час. На том мы с Никодимом и расстались, я отправился спать, даже забыв умыться перед сном. Нет, с криминалом нужно завязывать, рано или поздно такая дорожка приведёт в места не столь отдалённые. Только как откреститься от этой шпаны? Единственный вариант – полностью посвятить себя футболу и музыке, чтобы на

встречи с братвой не оставалось времени. Тем более что с футболом уже кое-что вырисовывалось, а вот насчёт музыки... Вряд ли в училище имеется свой ВИА, их сейчас и в Москве не так уж много. Джаз-оркестр Утёсова во времена Фурцевой и то считается довольно фривольным. Так-то министр культуры вроде благоволила Леониду Осиповичу, однако по её команде из оркестра выперли дочку певца, Эдит Утёсову. Якобы чтобы не плодить семейственность в этой сфере. Кстати, любопытно было бы поглядеть вживую на Екатерину Великую от культуры, как её прозвали когда-то за глаза. В своё время не успел, она отошла в мир иной в 1974-м, я тогда только мечтал о покорении советской эстрады. Ну, даст бог, ещё свидимся, за тринадцать лет может произойти немало интересного.

Глава 4

Ограбление табачного киоска для нас, к счастью, закончилось без последствий. Во всяком случае, в течение ближайшего месяца правоохранительные органы особого интереса к моей персоне не проявляли. Правда, приходил как-то инспектор из комиссии по делам несовершеннолетних при районном Совете депутатов трудящихся. Он оказался немолодым капитаном со смешной фамилией Ивашкин, с виду уже порядком уставшим от всей этой работы, и выполнявшим свои должностные обязанности исключительно согласно уставу.

Ивашкин пообщался со мной, мамой, соседями. Спросил, не вожусь ли я с плохой компанией, на что я ответил, что боже упаси! Затем похвалил, что я решил связать свою судьбу с железной дорогой, и отбыл восвояси. После его ухода я поинтересовался у мамы, чего это он к нам приходил.

– Ну а что ты хочешь, работа у него такая. Он же обязан тебя проверять раз в три месяца. А ты у меня молодец, взялся за ум.

Последовало дежурное чмокание в лоб и предложение сходить всей семьёй в ближайшую субботу в кино, а то мы давненько никуда не выбирались. Почему и нет, можно, главное, чтобы фильм оказался приличный. В смысле, интересный, а так я и неприличный посмотрел бы, но пока для советского зрителя даже что-то типа «Эммануэли» или «Греческой смоковницы» остаётся недостижимой мечтой. Тем более что их ещё и не сняли.

А между тем Муха разузнал фамилию того парторга с электро-механического завода. Помог моей маме поднести сумку с продуктами из магазина, а по пути и вызнал всё, что можно. На самом деле не так уж и много – название цеха и фамилию. Фамилия была вроде и простая, но в то же время относительно редкая – Шапкин. Ни имени, ни отчества узнать не удалось. Как выглядит этот самый Шапкин – можно было только догадываться. Но понятно, что возраст должен быть за сорок. Ну что ж, на безрыбье, как говорится...

Завод располагался на Дмитровском шоссе, куда я отправился уже на следующий день сразу после тренировки. Попасть на режимное предприятие, занимающееся выпуском сложной радиоэлектронной аппаратуры, радиолиний и радиолокационных станций, нечего было и думать. Но можно для начала хотя бы сделать рекогносцировку на местности. Где-то с час побродил поодаль, посмотрел, как в разгар рабочего дня через проходную изредка снуют то рабочие в спецодежде, то какие-то начальники в костюмах и шляпах, и собирался уж было идти обратно на автобус и ехать домой, но задержался у стенда с чёрно-белыми портретами передовиков производства. Вот тут мне и повезло – увидел физиономии сразу двух Шапкиных. Один – бригадир цеха сборки Матвей Васильевич – выглядел лет на тридцать пять, и, похоже, это был тот самый племянник, на которого переписали отцовское изобретение. А вот председатель профкома завода точно тот самый Шапкин, который мне нужен. Прокофий Игоревич – ну и сочетание... Взгляд глубоко посаженных глазок и безгубый рот на физиономии с двойным подбородком вызывали неприятное чувство, а может, я просто заранее себя настроил, что подонок должен выглядеть отталкивающе, хотя, вероятно, для многих его внешность смотрелась вполне обычно.

Да уж, поднялся товарищ из парторгов цеха, дорос до председателя профкома предприятия. На хорошем счету у руководства, получается. Что ж, каждому своё, или *suum cuique*, как говорили римляне. Надеюсь, этот ублюдок в конце концов получит по заслугам.

По идее, я мог бы, конечно, не париться, забить на этого Шапкина, мол, он погубил бату ТОГО Егора, а не моего, так что смысл мне на этого мужика зуб точить? Но, согласитесь, кто из нас в такой ситуации не пожелал бы справедливого возмездия?! Правда, я пока ещё слабо представлял, каким должно быть это самое возмездие со стороны пятнадцатилетнего подростка. Просто пока захотелось посмотреть в лицо негодяю, по вине которого матери Егора пришлось в одиночку воспитывать двоих детей.

Если, конечно, не считать бабушку и дедушку, с которыми мне довелось познакомиться буквально на днях. Старики, похоже, во внуке души не чаяли, вот мать в воскресенье и отправила меня в гости к родителям отца.

Дорогу к ним мне показал Муха, который, к счастью, сопровождал как-то Егора, когда тому по пути на пустырь нужно было, выполняя просьбу матери, на минуту заскочить к Мальцевым-старшим. Иначе, начни я выспрашивать у мамы, где они живут, – это выглядело бы как минимум подозрительно.

Поблагодарив Муху за прекрасно исполненную роль экскурсовода, я толкнул дверь такого же обшарпанного двухэтажного дома, в котором жил сам. Антонина Васильевна и Пётр Андреевич обитали в отдельной однокомнатной квартире и оказались очень даже милыми пенсионерами. Бабушка когда-то работала секретаршей у самого Маленкова, а дед всю жизнь был военным, командовал во время Великой Отечественной полком и ушёл в запас в звании полковника. Тут же посыпались вопросы о моей жизни, отдал ли я документы в железнодорожное училище, порадовались, что я записался в футбольную секцию.

Квартира, несмотря на всего одну комнату, была довольно просторной. Кухня немаленькая, как и санузел, хотя и был совмещённым. Меня от души накормили, потом мы – оказывается, это была традиция – на троих перекинулись в переводного дурака, после чего мне наконец милостиво разрешили покинуть гостеприимный дом, заставив дать обещание не забывать стариков...

Время шло, рабочий день близился к концу, а я так и торчал возле стенда с портретами, чувствуя, что этим могу привлечь ненужное внимание. Конечно, пятнадцатилетнего пацана вряд ли примут за шпиона, но ведь ещё не так давно врагом народа могли объявить кого угодно, невзирая на возраст. Так что я решил сменить диспозицию, перебазировавшись на лавочку и сделав вид, что читаю книгу – «Таинственный остров» Жюль Верна, которую захватил из дома в дорогу. И неожиданно для себя так увлёкся уже знакомым, казалось бы, сюжетом, что не заметил, как к лавочке приблизился незнакомец:

– Егор! Мальцев!

Я вздрогнул, поднимая глаза. Мужик лет сорока пяти, в кепке, весёлый прищур, лёгкая небритость... Очень похож на актёра по фамилии, кажется, Горбунов,

который сыграл связника Вассера в картине «Шпион» и продавца саксофона в фильме «Стиляги». Неплохом, по моему мнению, фильме, хотя и несколько лубочном.

Видя, что я смотрю на него с немим вопросом, мужик ухмыльнулся:

– Ты что, не помнишь меня? Я Василий, друг твоего отца, на Новый год заходил к вам.

– Да нет, конечно же помню, – пожал я протянутую руку. – Просто так увлёкся чтением, что не сразу вернулся в реальность.

– Книжки читать начал?

Василий, казалось, искренне удивился этому факту. Похоже, за Егором закрепились репутация не слишком начитанного подростка.

– Надо же когда-то браться за ум.

– Молодец! А здесь-то что делаешь? Хочешь на завод устроиться? Пойти по стопам отца? Вроде в железнодорожное училище поступать собирался...

– Так я и отнёс туда документы. А здесь... Здесь мы с другом договорились встретиться, он учеником слесаря работает на заводе.

– В каком цеху, в слесарном?

– А-а-а... Честно говоря, даже не знаю. Федька его зовут, невысокий такой, чёрненький.

– Там таких невысоких и чёрненьких хоть лопатой греби. Особенно к концу смены все чёрненькие, – хохотнул Василий. – Ладно, побежал я, пораньше отпросился, а то у меня жена сегодня к родителям в Иркутск на пару недель уезжает, надо её проводить, иначе полгода дуться потом будет. Ну, бывай!

Провожая взглядом немного сутулую фигуру товарища отца, я достал застиранный носовой платок и вытер вспотевший лоб. Вот ведь, чуть не

спалился, хорошо ещё, беспроигрышная отмазка на ум пришла. А то бы стоял и мычал, не зная, как объяснить своё здесь присутствие.

Ладно, время уже, судя по циферблату над проходной, к четырем дня доходит. Насколько я знал, дневная смена здесь заканчивалась в пять. Посижу ещё часок. Только боюсь, что из проходной ломанётся толпа, в которой разглядеть этого Шапкина будет не так-то и легко. А если ещё шляпу на глаза надвинет, поди угадай, он или не он. Хм, Шапкин в шляпе, каламбур получается.

Зря я боялся, народ покидал завод организованно, разделяясь на три людских ручейка, после дверей проходной двигавшихся в сторону остановки общественного транспорта или платформ «Ховрино» и «Пост № 2». Так что отсюда, со скамейки, каждого можно разглядеть без особых проблем. Вот уже и половина шестого, людской поток стал ослабевать. Тут я немного заволновался, а ну как Шапкин срулил с завода раньше? А вдруг он вообще в отпуске или на больничном? Но без четверти шесть мои страдания наконец были вознаграждены. Из дверей проходной появились оба – Шапкин-профкомовец с Шапкиным-бригадиром, шли, о чём-то переговариваясь, при этом племянник активно жестикулировал, а дядя вроде пытался его успокоить, то и дело озираясь по сторонам. Действительно, неприятный тип, в жизни выглядит ещё гаже, чем на фотографии.

Шапкины распрощались у автомобиля ГАЗ-21, той самой знаменитой «Волги». Старший уселся на заднее сиденье выкрашенной в серый цвет машины, а младший направился в сторону автобусной остановки. Я проследил взглядом за отъезжающей целью, вздохнул: эх, был бы хотя бы велосипед...

Кстати, у нас в коммуналке в коридоре стоит чей-то велик, может, хозяева разрешат позаимствовать его на один день? Ещё бы знать, кому он принадлежит.

Принадлежал велик Герману, мужу беременной Раисы. Это я выяснил у всезнающего Мухи. Герман просто сказал:

– Бери. – И добавил: – Только я на нём с того года не ездил, нужно, наверное, камеры подкачать. Сейчас вынесу насос.

Так что на следующий день я был более подготовлен. И когда Прокофий Игоревич снова уселся в служебный автомобиль, я взобрался на велосипед и покатил следом, уже не обремененный никакими портфелями, потому что тренировки сегодня не было.

Честно говоря, боялся, что не угонюсь за «Волгой». Но Шапкин, судя по всему, не очень любил быструю езду, вряд ли молодой водитель по своей воле катил с крейсерской скоростью 30–40 км/ч. Но и это для меня стало бы проблемой, потому что сам я развивал скорость чуть ли не в два раза меньше, хотя и мчался по проезжей части, прижавшись к самому её краю. Выручали светофоры и регулировщики, заставляя водителя Шапкина периодически жать на педаль тормоза.

Наша поездка закончилась в районе улицы Горького, которой в будущем вернут название Тверской. «Волга» зарулила в одну из подворотен и остановилась во дворе дома номер 25/9. Не элитное, но приличное сооружение сталинской постройки. Я притормозил в подворотне, чтобы лишний раз не светиться, наблюдая, как Шапкин покидает машину и заходит в средний подъезд.

Подождав, когда машина уедет, – а водитель предпочёл не задерживаться, – я прислонил велик к стене подворотни в надежде, что его не успеют стырить, пока я метнусь до подъезда. Успел услышать, как наверху хлопнула дверь. Примерно третий этаж, максимум четвёртый, до пятого Шапкин просто не успел бы подняться за это время. Ну что ж, теперь я знаю, где живёт товарищ, а также знаю время, когда он приблизительно должен возвращаться домой. И что дальше? Подкараулить Прокофия Игоревича в подъезде, плюнуть ему в лицо и со словами «Это тебе за отца!» вонзить в бок заточку? На такое я вряд ли способен. Никогда в жизни ни в кого железяками не тыкал. Дрался по пьянке, а в юности и по-трезвому, это бывало. Но вот чтобы убить... Да тут первым делом начнут выяснять, кому была выгодна смерть Шапкина. Или, может, кто-то захотел за что-то отомстить? Сразу всплывет та давняя история. Ага, а сын-то сгинувшего в лагерях вырос, числится на учёте в ПДН, вполне мог и на мокруху пойти. Где свидетели, что в то время, как погибал смертью храбрых товарищ Шапкин, этот Мальцев находился в другом месте? Ага, нет алиби, ещё одна галочка.

Так что этот вариант меня не устраивал со всех сторон. Блин, что же делать?! Как ещё можно отомстить за смерть родного человека? В памяти всплыл фильм «Яды, или Всемирная история отравлений». Красиво, особенно если яд

подействует не сразу. Но, во-первых, где раздобыть такой яд, а во-вторых, как его подсыпать или подмешать? Да и хотелось бы, чтобы на смертном одре Шапкин знал, за что подыхает.

А может, забить на это дело? Поступить, как сказано в Писании: «Прощай – и будешь прощён»? Наверное, я не настолько религиозен. Нет, в храм ходил, случалось, не без того, был даже поп знакомый, не дурак выпить, кстати. Кое-какие заветы, вероятно, я выполнял, но прощение в данном случае в мои планы не входило.

Следующие два дня я подкарауливал Шапкина у его дома и выяснил, что живет он на третьем этаже. А встречает его, судя по голосу, женщина, скорее всего жена. Называла она его даже не Проша, а Прокоша, я впервые слышал такое ласкательно-уменьшительное от имени Прокофий. Детских голосов не слышно, может, бездетные, а может, дитё или дети (сколько их может быть?) в каком-нибудь пионерлагере или у бабушки в деревне.

А вскоре у меня созрел план коварной мести. Проснувшись, я лежал в своей кровати, пялился в покрытый паутиной трещинок потолок и прислушивался к трели ка кой-то птахи за окном, когда меня словно обухом по голове ударило. Эврика! Это как раз то, что надо. Помереть Шапкин не помрёт, чёрт с ним, пускай и дальше копит небо, но помнись он будет всю оставшуюся жизнь.

Для реализации плана сначала требовалось переговорить с мамой. Она уже крутится на кухне, где на нашей конфорке грелась кастрюля с водой и кусочками мяса, а мама тем временем шинковала капусту. Похоже, на обед будут щи. А нет, борщ, вон же ещё свекла лежит.

– О, проснулся, иди умывайся и завтракай. Сырники на столе, на тарелке под полотенцем. Чайник можешь в комнате на электроплитке разогреть.

– Мам, мне нужно с тобой поговорить.

– Что-то серьёзное? – Она сразу напряглась, на лбу собрались морщинки.

– Да нет, ничего такого... Просто мы с Му... с Витькой заходили в училище, нам сказали, что к первому сентября нужно написать сочинение о работе родителей. Ну я и хотел напроситься к тебе в больницу, посмотреть, чем ты занимаешься.

– Ох ты ж, сыночка, ну чем я там могу заниматься?! Обычная медсестра в хирургическом отделении. Ну если так надо, то я поговорю со старшей медсестрой, Любовь Павловна женщина строгая, но отзывчивая, может, пойдёт навстречу.

Вот так я попал в Городскую клиническую больницу имени С. П. Боткина. Приехал к восьми утра вместе с мамой, мне в ординаторской вручили вылинявший халат моего размера, и при помощи химического карандаша я стал с серьёзным видом конспектировать в ученической тетради, что приходилось делать дежурной медсестре в хирургии.

В отделении было восемнадцать палат, в которых обитали как ходячие, так и лежачие, но это в основном послеоперационные. Шесть из восемнадцати палат мамы, помимо неё в эту смену дежурили ещё две медсестры – одна совсем молодая, тонкая, словно тростиночка, а вторая её полная противоположность: оплывшая настолько, что казалось, халат на ней вот-вот разойдётся по швам, и ещё с отвратительной бородавкой на подбородке, сразу переходящем в плечи. Ну и старшая медсестра Любовь Павловна, благодаря которой я и смог попасть в больницу. Немолодая, то и дело мявшая в пальцах беломорину, выкурить которую можно было только за пределами отделения. При моём появлении она подмигнула мне и выдала:

– Ничего не болит, аппендикс не тревожит? А то мигом вырежем. – И хрипло расхохоталась своей шутке, от которой мне немного поплохело, несмотря на тут же всплывший в памяти эпизод из «Покровских ворот»: «Резать к чёртовой матери, не дожидаясь перитонита!»

Но в целом женщина оказалась нормальная и, как мне поведала мама, всю войну отъездила на санитарном поезде.

В девять утра начался обход с заведующим отделением Платоновым. Мама в числе лечащих врачей и санитарок сопровождала его по палатам, записывая указания. Заведующий покосился на меня, спросил, что здесь делает этот молодой человек, маме пришлось объяснить.

– Ну пусть и о работе врача упомянет, – усмехнулся обладатель чеховской бородки и очков в роговой оправе.

Час спустя нужно было подать в операционную больного, который кое-как взгромоздился на каталку. Я помог маме довести пациента до операционной. Затем ещё троих неходячих больных возили на рентген. Потом мама развозила обед, раздавала таблетки, ставила уколы и капельницы... Перекусить у неё получалось только урывками, в три захода, а меня усадила за стол в ординаторской и велела есть спокойно захваченную из дома еду. Мне только этого и надо было. В один из моментов, оставшись один, я разогнутой скрепкой вскрыл простейший замок медицинского шкафчика и стащил из него пузырёк с хлороформом, который тут же оказался в недрах моего портфеля. Надеюсь, пропажа обнаружится не сразу.

В 20.00 мама наконец засобиралась домой, сегодня ей никого не пришлось подменять, оставаясь в ночную. По графику она снова выйдет уже завтра вечером, будет дежурить до послезавтрашнего утра.

До дома мы добирались на метро, по пути заглянув в магазин купить хлеба. Едва переступив порог нашей комнаты – Катька где-то гуляла, – мама скинула туфли и рухнула на кровать, пролежав неподвижно несколько минут.

«А ведь мама ещё нестарая женщина, как же ей, наверное, тяжело приходится без мужа», – подумал я.

– Мам, давай я о больнице песню спою, а ты пока полежи, отдохни и послушай.

– О больнице? – приподнялась она на локте. – И что это за песня?

– Называется «История болезни», недавно сочинил.

Опять пришлось врать, приписывая себе авторство песни Высоцкого. Но вот захотелось маме сделать приятное, а особо-то песен о больнице я и не знал, в памяти всплыла только эта.

Взяв гитару, я ударил по струнам и захрипел, не очень убедительно подражая Владимиру Семёновичу:

Я был здоров, здоров как бык, здоров как два быка, —

Любому встречному в час пик я мог намять бока.

Идёшь, бывало, и поёшь – общаешься с людьми,

И вдруг – на стол тебя, под нож – допелся, чёрт возьми...

Песня маме понравилась, обещала рассказать коллегам. А я на следующий день ближе к вечеру поджидал Шапкина в его подъезде с пузырьком хлороформа, куском марли и набором для татуажа, то есть с иголкой, кончик которой был обмотан нитью, оставляя голым самое острие, и пузырьком туши. Именно так мы делали в детстве друг другу наколки, на память о тех годах у меня на том теле остался уже не очень чёткий рисунок якоря – помню, что мечтал одно время стать моряком.

Мой план был таков: подкараулить Шапкина за дверь и, когда он войдёт в подъезд, усыпить его с помощью смоченной в хлороформе сложенной в несколько слоёв марлей. Затем оттащить под лестницу, которая могла спокойно скрыть двух человек, и по-быстрому наколоть ему на лбу слово «убийца». Как мне казалось, план поистине изуверский, как он после будет сводить эту наколку, я не представлял. В моём отрочестве один мой одноклассник перед вступлением в комсомол выжигал наколку сигаретой. Наверное, и Прокофию Игоревичу придётся подвергнуться какой-то аналогичной процедуре.

Вот только чем ближе было время ориентировочного появления председателя профкома, тем меня больше колотило. Часов у меня не было, поэтому я мог только догадываться, сколько сейчас времени, и, глядя во двор сквозь окно лестничной клетки первого этажа, готовый в случае появления Шапкина тут же рвануться вниз, на исходную. А также скрыться под лестницу при появлении кого-то из жильцов. Совсем ни к чему, чтобы моя физиономия у кого-то осталась в памяти, благо что все четыре двери на лестничной клетке не имели глазков.

Но помимо этого меня очень волновал и вопрос, смогу ли я всё-таки осуществить задуманное. Во-первых, не таким уж я был и отморозком, чтобы вот так легко реализовать такой коварный замысел. Всё-таки сознание пенсионера как-то протестовало против столь бесчеловечного поступка. Конечно, я понимал, что этот Шапкин тот ещё подонок, недрогнувшей рукой отправил отца Егора в лагерь и должен за это понести наказание. С другой стороны, мои моральные устои тоже всячески противились, и утихомирить их мне стоило огромного труда и массы потраченных нервов.

Во-вторых, я далеко не был уверен, что хлороформ подействует моментально. Это герои комедии «Операция „Ы“» как-то уж очень быстро вырубались от приложенного к лицу носового платка, смоченного хлороформом. Но кино на то и кино, чтобы всё преувеличивать. Эх, надо было бы на всякий случай какой-нибудь дубинкой вооружиться.

Не говоря уже о том, что следователи, когда начнут копать это дело, могут связать татуировку с моей семьёй. Потому как здесь прослеживается почти прямая связь, если копнуть в историю. Но пусть сначала докажут, свидетелей-то, надеюсь, не будет, значит, все обвинения окажутся голословными. Морду кирпичом – мол, ничего не знаю, идите в баню. Правда, алиби не обеспечил, ну ничего, навру, что гулял по Москве, ел мороженое и наслаждался окружающим пейзажем.

Что-то и впрямь Шапкин задерживается. Солнце уже клонится к горизонту, а служебной «Волги» всё не видно. Прогуляться, что ли, во двор, надоело на подоконнике на лестничной клетке сидеть, тем более что несколько раз я уже ныкался под лестницу: народ возвращался понемногу с работы.

Засунув руки в карманы шаровар, чтобы мои пузырьки особо не выделялись, я вышел во двор. Детская площадка находилась на пяточке между тремя домами, а здесь, во дворе, было пустынно, только я торчал. Теперь меня могут срисовать из окон. Выйду-ка я в подворотню для разнообразия.

Вышел... и охренел. Из подворотни прекрасно проглядывался кусок проезжей части, на которой находились покорёженная «Волга» Шапкина и въехавший ей в бок ГАЗ-51 с помятым передком. Водитель грузовика, похоже, особо не пострадал. Он сидел с убитым видом на подножке кабины, обхватив голову руками, полностью абстрагировавшись и от осматривавших место ДТП милиционеров, и от сотрудников ГАИ, и от галдящих зевак, которых упорно пытался отодвинуть от места аварии старший лейтенант в форме, в начищенных до блеска сапогах и с планшетом на боку. А вот водителя «Волги» и Шапкина нигде не наблюдалось.

В горле у меня моментально пересохло. На ватных ногах я сделал несколько шагов и спросил осипшим голосом у одного из зрителей, усатого мужика в вышиванке с надетым поверх пиджаком и кепке на лысой голове, явно госте столицы:

– Что здесь произошло?

– Та шо, бачиш, авария сталася. «Волга» сюди завертала, а тут вантаживка звидки ни визьмися, и прямо в бик. Цих, з «Волги», видвезли на швидкий допомози. Молодий ще ничего, жити буде, а той, що ззаду сидив, схоже, не жилец. Дасть бог, викарабкається. А ни... – И усатый махнул рукой.

В общем, как я понял, «Волга» заворачивала в подворотню, когда ей в бок на полном ходу влетел грузовик, выскочивший почему-то на встречную полосу. Водителя и пассажира «Волги» увезли на «скорой», причём дела у Шапкина – а кто это ещё мог быть – были далеко не ахти.

Не успел я осознать этот факт, избавивший меня от необходимости проведения акции с наколкой, как из подворотни в одном халате и тапочках на босу ногу и закатанными в бигуди волосами выскочила какая-то женщина, примерно ровесница моей матери. С воплем «Что с моим мужем?!» она принялась трясти за грудки старлея.

– Вы кто? – попытался оторвать её от себя милиционер. Более-менее осознанно она смогла говорить только через минуту. Выяснилось, что это, как я и предполагал, супруга Шапкина, которой соседка сообщила о происшествии возле дома. Ну а со слов милиционера стало ясно, что Прокофий Игоревич был ещё жив, но находился без сознания, и его увезли на «скорой» в Боткинскую больницу. Совпадение?

Придя домой, я рассказал маме о происшествии и попросил узнать, когда она пойдёт утром на дежурство, что там с этим самым Шапкиным. Новость для неё также оказалась шокирующей. Но, немного придя в себя, она не без доли подозрения поинтересовалась, как это я так удачно оказался очевидцем ДТП, в котором пострадал злейший враг их семьи?

– Так совпало, – пожал я плечами с самым невинным видом, на какой только был способен. – Проходил мимо, вижу – народ толпится, подошёл узнать, в чём дело. Кто-то и назвал при мне имя этого... как его... Шапкина.

– Ну-ну...

Её подозрительность не уменьшилась, однако расспросы она прекратила. А на следующий день вечером, вернувшись с дежурства, сообщила, что Шапкин скончался по дороге в больницу. Эту новость я принял со странным спокойствием. Что ж, *suum cuique*.

Глава 5

Первый мой «квартирник», похоже, запал в душу обитателям коммуналки, потому что вскоре меня попросили устроить ещё один концерт, но уже во дворе, для всего дома. Мама была не против, Катька и вовсе чуть ли не двумя руками «за». Ладно, хрен с вами, я-то спою и сыграю, но, может, собрать со зрителей символическую плату, копеек по двадцать?

Маме моя идея пришлась не по вкусу. Да я особо и не настаивал, так, прощупал почву. Всё же очень хотелось внести какую-то лепту в весьма скромный семейный бюджет. Не вагоны же ночами разгружать... Хотя... Нет, ну на фиг. В той жизни разгружал, когда себе на более-менее приличную немецкую гитару зарабатывал, ещё и на картошку студентом ездил, помнится, а сейчас ломаться что-то совсем нет охоты. Такой вот я в этом теле эгоист, не пролетарий, одним словом.

На вечерний концерт собрался и в самом деле практически весь дом, люди пришли со своими стульями и скамеечками, многие с любопытством высовывались из своих окон. Ну а что, двор с трёх сторон окружен стенами, две принадлежали нашему дому и одна, кирпичная, какому-то складскому строению. Все вкупе они образовывали неплохой акустический карман. Муха тоже посетил мой концерт, забравшись на дерево вместе с ещё несколькими пацанами.

В общем, зрителей собралось человек семьдесят с гаком, а я себя мысленно успокаивал, пытаюсь вспомнить, каково это – выступать перед такой аудиторией. Всё-таки без практики трудновато, да и привык я уже порядком к мальчишескому телу, а согласитесь, что со стороны юный исполнитель, поющий «взрослые» песни, выглядит несколько нелепо. Вот если бы я исполнил «Крылатые качели» или «Вместе весело шагать»... Хотя, с другой стороны, голос уже далеко не такой звонкий, как у солиста Большого детского хора Всесоюзного радио и Центрального телевидения.

Бог с ним, лишь бы народу нравилось, пусть даже вкусы у всех разные.

– Добрый вечер, дорогие друзья! – стоя поприветствовал я многоуважаемую публику. – Сегодня по многочисленным заявкам наших радиослушателей, телезрителей и онлайн-пользователей мы организовали концерт выдающегося исполнителя современности, пока ещё не народного и даже не заслуженного артиста СССР Егора Мальцева. Просьба выключить свои мобильные телефоны, чтобы не мешать артисту и окружающим.

Пока народ с улыбкой переваривал услышанное, я сел и, откашлявшись, запел. Начал с вещи, которую лет через пятнадцать исполнит Геннадий Белов – «На дальней станции сойду». Затем подался в романтику странствий – спел одну из первых по-настоящему бардовских песен «Бригантина поднимает паруса» на стихи, как я упомянул всуе, погибшего на фронтах Второй мировой Павла Когана. Дальше – больше лирики, теперь уже возьмёмся за Антонова и его хит «Крыша дома твоего». Вижу, как публика слушает, затаив дыхание и раскрыв рот, а мама с Катькой смотрят на меня словно на восьмое чудо света. Понятно, родственничек рождает хиты как из рога изобилия, офигеешь тут. Чувствую, придётся задним числом как-то выкручиваться.

А я тем временем снова ударился в морскую роман тикку, продолжая эксплуатировать творчество Антонова и выдав на-гора шлягер «Море». Потом решил кое-что вспомнить из прошлого выступления на кухне, наверняка те, кто там присутствовал, хотели бы снова услышать понравившиеся песни. Теперь они уже понравились всему двору.

Когда минут через сорок я почувствовал, что начинаю сипеть, заявил:

– Друзья, а сейчас исполняется последняя композиция этого вечера. Называется «Сиреневый туман», песня народная, автор неизвестен.

Так в принципе и было, хотя несколько человек пытались приписать авторство себе. Самой правдоподобной считалась версия с авторством композитора Юрия Липатова, якобы песня была написана им лет пятнадцать тому назад, если брать за точку отсчёта 1961 год. Ну я особо ни на что и не претендовал, просто спел одну из своих любимых вещей.

Меня долго не хотели отпускать, все просили исполнить на бис то одну, то другую песню, особенно настаивая на «Вальсе-бостоне», но я твёрдо заявил, что всё: связки могут не выдержать, и тогда я им уже никогда ничего не спою. Отбиваться помогала мама, объясняя, что у меня утром тренировка в футбольной школе и мне нужно выспаться, и вообще ребёнок с обеда некормленный, а на часах уже половина девятого. В общем, кое-как отбились, пообещав дать аналогичный концерт примерно через неделю. А Муха крепко хлопнул меня по спине, выражая таким образом свой восторг.

– Ну ты, Егор, даёшь! – При маме он, похоже, не рисковал называть меня Штырём. – Обалденный концерт, надо ребятам рассказать. А что ты там нёс о каких-то мобильных телефонах, об этих... пользователях и онлайн?

– Да это так, шутка, – обезоруживающе улыбнулся я, увлекаемый родичами домой.

Блин, как же горели подушечки пальцев левой руки! Первым делом я сунул руки под струю холодной воды, чтобы хоть как-то облегчить страдания. Да, ребята, это мне ещё придётся помучиться, прежде чем нарастут те самые мозоли, без которых не бывает настоящих гитаристов. Может, на клавишные переключиться, пока не поздно? Нет уж, гитара – моя первая и главная любовь всей жизни. За классный Gibson, на котором играл какой-нибудь Джими Пейдж, и душу продать можно, скажу я вам.

Позже, когда я наворачивал вареники с картошкой и луком в сметане, мама с сестрой устроили мне настоящий допрос. Отвечать с набитым ртом было не очень удобно, в итоге я заявил, что у меня открылся талант к сочинительству, и предложил эту тему закрыть. А сам подумал, что завтра же пойду в канцелярский магазин, куплю нотные тетради, а затем отправлюсь в Агентство по авторским правам и зарегистрирую песни. Если, конечно, меня как несовершеннолетнего не пнут коленом под зад.

Не пнули. И в ВУОАПе изрядно удивились, когда ознакомились с содержимым моей папки, в которой лежали ноты и тексты почти двух десятков песен. Отобрал вещи, к которым по большому счёту трудно придраться. Никакой политики, никакого блатняка, сплошная лирика. Если и придраться, то к аполитичности. Особняком стоит песня «Журавли», беззастенчиво украденная мной у Гамзатова и Френкеля. Тут хоть и лирика, но такая, что за душу берёт. Честно говоря, у меня сразу возникла мысль предложить её Марку Бернесу,

потому что только его я и видел среди потенциальных исполнителей.

Некто Владимир Григорьевич Нетребко (может, и родственник Анны Нетребко, мелькнула мысль, но, скорее всего, однофамилец), к которому меня направили, придирчиво изучил нотную запись каждой песни, показал тексты какому-то Михаилу Петровичу, тот особенно заинтересовался «Журавлями», хмыкнул и спросил, строго глядя мне в глаза:

– Молодой человек, а это точно Вы сочинили?

Я про себя тяжело вздохнул, врать было тошно, но ведь, с другой стороны, эти вещи всё равно никем пока больше не придуманы, что уж тут миндальничать. А потому, не отводя глаз, твёрдо ответил:

– Я.

– Хм, – Михаил Петрович вновь уткнулся в текст, – любопытно было бы послушать это в музыкальном сопровождении.

– Так вот же у вас пианино стоит, – кивнул я на инструмент.

– А исполнять кто будет? – в свою очередь поинтересовался Нетребко.

– Если хотите, то я могу аккомпанировать сам себе, но лучше бы вы сыграли, а я спел. А в будущем я вижу в роли исполнителя Марка Бернеса.

– Бернеса? Однако... Вот так сразу и Бернеса. Что ж, давайте попробуем, я наиграю, а вы споёте.

Владимир Григорьевич сел к инструменту и, глядя в ноты, начал играть вступление. А потом я запел:

Мне кажется порою, что солдаты,

С кровавых не пришедшие полей...

Нет, всё-таки мне ещё далеко до Марка Наумовича, но впечатление на присутствующих я произвёл. Михаил Петрович в чувствах высморкался и тем же платком протёр запотевшие линзы очков. А Нетребко пристально и долго глядел на меня и в итоге констатировал:

- Что я могу сказать... Вещь неплохая, безусловно, она завоеует своего слушателя. И слова правильные, за душу берут. Хочется верить, что это действительно ваше произведение. У вас есть талант, молодой человек! Вы учитесь в музыкальной школе?

- В этом году закончил восьмилетку и подал документы в железнодорожное училище.

- Вы серьёзно? А ноты откуда знаете?

- Самоучка, - развёл я руками.

Мне хотелось побыстрее закончить этот разговор, который мог завести меня в тупик.

- Однако, - чуть ли не хором произнесли сотрудники ВУОАПа, синхронно переглянувшись.

- Если это так, то вас, молодой человек, ждёт большое будущее, - подытожил Владимир Григорьевич. - Мы оформим ВСЕ ваши песни, но сначала вам нужно написать соответствующее заявление. Вот вам ручка и бумага, пишите, я буду диктовать.

Писать чернилами и перьевой ручкой - то ещё удовольствие, однако я с первого раза справился с задачей, умудрившись не поставить ни единой кляксы. Про себя при этом думал, что пора бы уже «изобрести» и шариковую ручку.

Когда с формальностями было покончено, я, прежде чем попрощаться, спросил у Нетребко:

- Владимир Григорьевич, а вы, случайно, не знаете, где можно найти Бернеса?

– То есть вы, юноша, решительно настроены предложить ему песню «Журавли»?

– Да, – кивнул я.

– К сожалению, лично с Марком Наумовичем я незнаком, но могу попробовать вам помочь. Подождите минуточку...

Нетребко подвинул к себе телефонный аппарат, снял трубку и стал крутить диск. Длинные гудки из трубки слышал даже я. Затем мой аккомпаниатор оживился, подобрался и произнёс в мембрану:

– Матвей Исаакович, добрый день! Да, я, Нетребко... Матвей Исаакович, тут к нам пришёл один молодой человек, – мимолётный взгляд на меня, – весьма, как мне кажется, талантливый, несмотря на возраст. Он сочинил песню и очень хочет, чтобы её исполнил Марк Бернес... Да-да, именно так. Песня, без всякого преувеличения, неплохая, на нас с коллегами произвела впечатление. Но он не знает, как подобраться к Марку Наумовичу, думаю, в справочном бюро адрес артиста ему никто не даст. Я потому вам и звоню, что вы сотрудничаете с Бернесом, может, смогли бы выручить юношу... Что? Егор, фамилия Мальцев... Понял, хорошо, спасибо. Тогда я ему так и передам. Всего вам хорошего, успехов.

Опустив трубку, Нетребко быстро начеркал что-то карандашом на бумаге, после чего протянул листок мне:

– Здесь адрес, куда вам нужно подъехать сегодня не позднее семнадцати часов. Завтра Матвея Исааковича вы уже не застанете, он рано утром уезжает в Ленинград в творческую командировку. Консьерж будет предупреждён о вашем приходе.

Я мельком глянул в бумажку: «Огарева, 13, кв. 23». Ну конечно, «дом староялей», как его прозвали в народе за то, что в этом здании в разные годы жили Свиридов, Ростропович, Вишневская, Бабаджанян, Колмановский, Фельцман, младший Дунаевский... Признаться, когда-то и я мечтал приобрести в нём апартаменты, даже как-то приценивался, но не сложилось. Что ж, Егор Мальцев, сегодня тебе выпал шанс побывать в этом чудо-доме и познакомиться с одним из его легендарных обитателей.

Консьержем оказался однорукий старик с заправленным в карман пиджака пустым рукавом.

– Вы к кому? – спросил он, подозрительно оглядывая меня с ног до головы.

– Здравствуйте, мне к Блантеру, в двадцать третью. Он меня ждёт. Я Егор Мальцев.

– Да, есть такое, – подтвердил старик, глянув в свой список. – Поднимайтесь, третий этаж.

Проигнорировав допотопный лифт, я взлетел на третий этаж и нажал кнопку звонка на двери с номером «23». Вскоре с той стороны раздались шаги, дверь приоткрылась на длину цепочки, и в образовавшуюся щель высунулось полное лицо с насаженными на чуть крючковатый нос очками в роговой оправе.

– Здравствуйте, Матвей Исаакович, я Мальцев, меня к вам из ВУОАПа направили.

– А-а, вы от Нетребко, проходите.

Дверь распахнулась, и я зашёл в просторный коридор, тут же стягивая с ног ботинки. Хорошо, что мама выдала мне сегодня заштопанные носки, без дырки на большом пальце правой ноги.

– Можете надеть тапочки, и милости прошу в залу, – пригласил меня Блантер, легонько подталкивая в спину.

М-да, неплохо живут советские композиторы, самые настоящие хоромы, знал бы хозяин квартиры, сколько такая хата будет стоять в XXI веке... Но сейчас, вероятно, такие вопросы не очень волновали автора таких шлягеров, как «Катюша», «Враги сожгли родную хату», «Лучше нету того цвету», «Летят перелётные птицы», «В городском саду играет»... Даже футболисты выходят на поле под написанный им «Футбольный марш». На жизнь ему наверняка хватало, авторские текли, однозначно, хорошим таким полноводным ручьём.

– Ну что ж, могу я узнать, что за бессмертное произведение вы сочинили, которое так расхваливал Владимир Григорьевич? Ноты у вас с собой?

– Если честно, то они остались в ВУОАПе. Но я могу сыграть по памяти.

– Хм, а петь тоже вы будете?

– Могу, хотя я уже говорил, что вижу в этой роли Марка Наумовича.

– А вы не так просты, юноша... Прошу к инструменту.

Я сел за чёрный блестящий лаком рояль австрийской фирмы Wцendorfer, откинул крышку и пробежался пальцами по клавишам. Какое давно забытое чувство... На мгновение нахлынули воспоминания, которые я отогнал усилием воли. Не время ностальгировать по будущему-прошлому, тут, можно сказать, поворотный момент моей новой жизни, который, вероятно, направит её в новое русло.

Я проиграл вступление, а затем начал петь. В эти минуты для меня ничего не существовало, кроме песни, и, взяв последний аккорд, я на несколько секунд закрыл глаза. Вокруг стояла тишина, прерываемая разве что едва доносящимся с улицы звуком проезжавших автомобилей.

Я повернул голову в сторону Блантера. Тот пребывал в глубокой задумчивости, скрестив руки на груди и глядя куда-то мимо меня. Потом всё же его взгляд сфокусировался на моей персоне.

– Действительно, сильно, – негромко сказал композитор, пытаюсь справиться с дрожью в голосе. – Это точно ВАША вещь?

Блин, и долго они ещё будут сомневаться в моём авторстве?! Хотя на их месте, пожалуй, я тоже удивлялся бы и сомневался. Делать нечего, придётся всех уверять, что я вундеркинд.

– Да, это моё, а ещё я написал за последние полгода десятка два шлягеров, и сегодня все они официально оформлены в ВУОАПе. А вообще я каждый день могу выдавать по хи... по шлягеру.

Снова последовали вопрос о моём музыкальном образовании и удивлённо приподнятые брови после моего ответа.

– Я могу допустить, что вы изучили ноты, но научиться играть на рояле без педагога... Решительно не могу в это поверить!

– У нас в школе в актовом зале стояло пианино, вот я после уроков сидел и часа по два занимался. Наверное, у меня талант, – скромно заключил я, не зная, как ещё выкрутиться из этой ситуации.

– И всё равно это невероятно, – заявил Блантер, в возбуждении расхаживая по огромной зале. – Вам сколько лет? Пятнадцать? Хм... А ещё какими-то инструментами владеете?

Я стал вспоминать, на чём ещё играл в своей долгой жизни. Гитара, само собой, как акустика, так и электро, клавишные, на басу и на ударных пробовал, губная гармоника...

– На гитаре могу, – не стал я выкладывать сразу все козыри.

– А можете исполнить ещё что-нибудь из вашего, так скажем, репертуара?

Что ж, похоже, карась заглотил наживку. Теперь только бы не сорвался.

– Могу пару-тройку вещей, если у вас время есть. Исполнил я «На дальней станции сойду», «Крыша дома твоего» и «Шумят хлеба». Затем, подумав, решил добавить ещё и «Нежность». Последние две песни были написаны Пахмутовой, тяжёлой артиллерией композиторского цеха. Если уж бить, то, как говорится, наотмашь.

– Думаю, для первого раза достаточно, – скромно сказал я, вставая из-за рояля.

– Это... это потрясающе! – развёл руками Блантер. – Но как?! Почему раньше никто не слышал о Егоре Мальцеве?

– Говорю же, всё появилось как-то неожиданно. А вот теперь я наконец созрел, чтобы представить своё творчество народу. И кстати, вы обещали меня познакомить с Бернесом.

– Да-да, я сейчас же ему позвоню.

Матвей Исаакович кинулся к телефону:

– Алло, Марк, добрый день, это Блантер. Ты сейчас чем занимаешься? Баклуши бьёшь? Слушай, тут такое дело... Сидит у меня дома один молодой человек пятнадцати лет и просто спит и видит, чтобы ты спел написанную им песню... Да, подозреваю, что самородок. Не хочешь приехать ко мне, познакомиться? И песню послушаешь? Через сколько? Час максимум? Ну давай, жду.

Я с плохо скрываемым интересом прислушивался к разговору, от результатов которого во многом зависело моё будущее. И когда Блантер положил трубку на рычаг, я про себя облегчённо выдохнул.

– Ну что же, через час Марк Наумович обещал быть. Не желаете пока, молодой человек, чаю? Или кофе предпочитаете?

Конечно, я предпочитал кофе, желательно со сливками, но решил не борзеть и скромно согласился на обычный чай, к которому хозяин предложил печенье с конфетами. С момента попадания в это тело я постоянно ощущал чувство лёгкого голода. С питанием в эти годы было не ахти, особенно учитывая скромное материальное положение моей новой семьи, хотя мама и брала частенько по два дежурства подряд, выматываясь. А Катька вон перешла даже старое материно платье на себя. Глядя на вазочку, у меня возникло желание наесться от пуза. Видно, Матвей Исаакович что-то уловил в моих глазах и подбодрил:

– Не стесняйтесь, Егор, угощайтесь.

Ну я и угостился... Пяток печенюшек и столько же шоколадных конфет слегка утолили моё чувство голода.

– Может, супчику разогреть? – неожиданно предложил Блантер. – Жена с сыном вчера уехали в санаторий в Ялту, и Нина оставила мне целую кастрюлю моего любимого горохового супа с копчёностями. Чтобы не отощал, как она выразилась. А без них у меня, признаться, и аппетит что-то пропал. Кое-как похлебал сегодня днём, не знаю, сколько я его доедать буду.

– Ой, нет, спасибо, – ответил я, стараясь скрыть своё желание как минимум ополовинить эту самую кастрюлю. – Давайте я лучше пока текст для Марка Наумовича накидаю, ноты записать уже вряд ли успею.

С текстом я управился за несколько минут. Не успел отложить в сторону дорогую перьевую самописку, как в дверь позвонили – Бернес приехал даже раньше названного времени.

– Ну-ка, показывай, Мотя, своего вундеркинда! – приятным баритоном провозгласил на всю квартиру гость.

Выглядел он молодежово, жизнь в нём буквально бурлила, и не подумаешь, что через каких-то восемь лет любимец миллионов угаснет от рака лёгких. Кстати, не мешало бы его попросить со временем как следует заняться своим здоровьем, обозначив именно лёгкие как возможную мишень для атаки раковых клеток. Глядишь, и удастся продлить жизнь знаменитому артисту.

– Ага, это ты, значит, и есть? – ткнул в мою сторону указательным пальцем Бернес. – Очень приятно, Марк Наумович.

– Егор, – пожал я протянутую руку.

– Так, и что за песню ты хочешь мне предложить?

– Вот текст, а мелодию я могу наиграть на рояле. Но лучше давайте сначала я спою, чтобы вы знали, как должно звучать. Правда, для себя я играю где-то на октаву выше, а для вашего голоса мы потом подберём тональность.

Бернес с Блантером переглянулись, изобразив характерную мимику для невысказанной фразы: «Гляди-ка ты!», а я тем временем начал проигрыш. И, мысленно помолившись, запел...

На слушателей я взглянул только после последнего аккорда. Матвей Исаакович, уже зная, что услышит, держал себя в руках, а вот настроение Бернеса резко изменилось. Если в квартиру старого друга он заходил на оптимистичной волне, с улыбкой, то сейчас словно постарел за пару минут лет на двадцать. Сгорбился, осунулся, глубокие морщины прорезались в опустившихся уголках губ...

- Да-а... - протянул он дрогнувшим голосом, - не ожидал.

- Вот-вот, - поддержал Блантер товарища, - и у меня было похожее чувство. А он мне потом ещё несколько вещей исполнил, тоже весьма неплохих. Но, конечно, «Журавли» проняли до самых печёнок.

- Так что, Марк Наумович, - прервал я их диалог, - попробуете спеть?

Бернес подошёл к роялю, встал сбоку, держа перед собой листок с текстом, откашлялся:

- Ну давай, парень, рискнем.

С первого раза не получилось. Где-то посередине песни Бернес прервался, извинился, что в горле резко пересохло, осушил участливо поднесённый Блантером стакан воды и предложил начать заново. Со второй попытки, собравшись, отработал как надо, не хуже, чем на всем известной записи.

- Великолепно! Марк, эта песня должна стать твоей! - заявил композитор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/marchenko_gennadiy/mne-snova-15

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)